

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

ДМИТРИЙ РАЙТ

ОДЕРЖИМОСТЬ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО. ИСКУПЛЕНИЕ.

Дмитрий Райт
Любовь и ненависть

«Автор»

2026

Райт Д.

Любовь и ненависть / Д. Райт — «Автор», 2026

Остросюжетная любовная драма о двух мирах, разделённых лишь одним мостом, и о той искре, что способна сжечь его. Бедный студент с презираемого всеми факультета привык выживать. Богатая наследница же привыкла играть идеальную роль в своей золотой клетке. Они — враги, находящиеся под давлением общества и самих себя. В городе тем временем начинаются загадочные убийства, полиция молчит. Ну а рядом с каждой жертвой находят жуткий рисунок, словно маньяк — художник, рисующий саму смерть. Вынужденные объединиться в собственном расследовании, наши герои идут по следу, не подозревая, что убийца уже рядом и гораздо ближе, чем кажется... «Ещё час назад я думал, что теряю её навсегда. Но теперь я понял, что теряю не её... а самого себя».

© Райт Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
АКТ I	6
ПЕРВАЯ ГЛАВА	6
ВТОРАЯ ГЛАВА	22
ТРЕТЬЯ ГЛАВА	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Любовь и ненависть

ПРОЛОГ

Осенний ветер гнал по асфальту обрывки газет и жухлые листья, накрепко въевшиеся в мокрую землю Кировского парка. Аня зябко повела плечами, поплотнее закутываясь в тонкое пальто. Она училась на факультете «Муз» — звучало довольно гордо, но стипендию на пуховик ещё нужно было заслужить. А пока приходилось экономить на всём, даже на маршрутках.

До общаги через парк — минут пятнадцать быстрым шагом, вдоль аллеи, мимо статуи какого-то забытого всеми поэта. Днём здесь мило: мамочки с колясками, старушки на скамейках, студенты, спешащие на свидания. Ночью же старые липы превращались в тёмных великанов, а редкие фонари отбрасывали на дорожки не столько свет, сколько длинные, дрожащие тени.

Аня ускорила шаг. Каблуки её дорогих сапожек гулко стучали по плитам. Звук разносился по пустынной аллее, возвращаясь эхом откуда-то из глубины парка. Или ей просто казалось?

Шаги. Её собственное эхо. Но ритм не совпадал. Её стук — чёткий, торопливый. А этот — глухой, шаркающий, будто идущий нарочито медленно, но неумолимо приближающийся.

Сердце пропустило удар и забилося где-то в горле. Аня сжала в кармане ключи, продевая самый длинный между пальцами. Не оборачиваться. Не показывать страх. Просто идти дальше.

Она прибавила шагу, переходя на нервную, почти бегущую походку. Сумка больно била по бедру. Впереди, метрах в тридцати, виднелся спасительный выход из парка и редкие огни проезжающих машин.

Шаги сзади тоже ускорились. Потеряли свою шаркающую неторопливость. Теперь это была тяжёлая, уверенная поступь хищника, который понял, что жертва его заметила и игру можно заканчивать.

Аня сорвалась на бег. В ушах зашумела кровь, заглушая всё. Она уже не слышала шагов преследователя, только собственное рваное дыхание и бешеный стук сердца. Выход был всё ближе. Ещё немного. Ещё чуть-чуть.

Сильный рывок — и чья-то рука грубо схватила её за локоть, дёргая назад. Ключи со звоном упали на асфальт. Аня открыла рот, чтобы закричать, но вторая ладонь, холодная и жёсткая, зажала его, вдавливая крик обратно в глотку. Её развернули лицом к себе. Она успела увидеть лишь тёмный силуэт на фоне мутного фонаря, блеск глаз, в которых не было ни злобы, ни страсти — только пустота. А потом мир померк.

Лишь планшетка на асфальте. Рядом — свежий, ещё не тронутый утренней изморосью рисунок углём. Идеальные, почти фотографичные линии. Портрет девушки. Лицо искажено предсмертным ужасом, глаза широко раскрыты, рот застыл в беззвучном крике. Это была Аня. Та самая, что несколько часов назад спешила через парк. Художник поймал не просто её черты, а сам момент агонии, запечатлев его углём.

Первый луч солнца пробился сквозь кроны старых лип, скользнул по рисунку, по разбросанным ключам, по следам борьбы на влажной земле. И погас, наткнувшись на чёрную, бездонную глубину её нарисованных глаз.

АКТ I

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Старый будильник, доставшийся от отца, заверещал ровно в 6:30. Звук был резким, металлическим звоном, от него, казалось, дребезжали тонкие стены комнаты. Роман не открывая глаз нашарил на тумбочке шершавый корпус, нащупал кнопку и надавил. Тишина навалилась сразу, но ненадолго — из-за стены тут же послышался приглушённый кашель матери.

Роман замер, прислушиваясь. Кашель был сухим, надсадным, с хрипами, которые, как он уже выучил, появлялись к утру. Мама говорила, что это просто простуда, но он видел, как она осунулась за последние месяцы, как побледнела, как появились эти синие тени под глазами. Врач в поликлинике, куда он водил её месяц назад, только развёл руками: «Обследование платное, лечение тем более. А так — пейте травки».

Он открыл глаза и уставился в потолок. Побелка на нём кое-где потрескалась, образуя замысловатые узоры, похожие на карту неведомой страны. В детстве он любил разглядывать их, придумывая истории. Сейчас же было не до того.

Роман сел, свесив ноги с кровати. Панцирная сетка жалобно скрипнула, впуская в новый день. Комната была до смешного маленькой — метра четыре, но он держал её в идеальном порядке. Старые обои в серо-желтоватую полоску, которые мама клеила ещё при живом отце, которые кое-где отошли от стен, но были чистыми. На полу лежал выцветший, но аккуратный половичок, связанный бабушкой, которой тоже уже не было в живых. Письменный стол, заваленный конспектами и книгами, которые он брал в библиотеке, потому что на свои не было денег. Стул, на спинке которого из протёртого дерматина торчал поролон, напоминая клок шерсти диковинного зверя.

Взгляд Романа упёрся в стену. Там, на гвоздике, висела фотография в деревянной рамке. Отец — молодой, красивый, в военной форме, улыбается прямо в объектив, щурясь от солнца. Снимок сделали за неделю до его последней командировки. Роману тогда было десять. Он до сих пор помнил, как отец подкинул его перед уходом, поймал и поцеловал в макушку: «Ты за главного, сынок. Береги маму». И ушёл.

Роман тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Хватит раскисать. Он встал быстро, натянул выглаженные с вечера джинсы, старый, но без единой катышки, свитер. Заправил кровать, расправив покрывало так, чтобы не было ни одной складки. Привычка, ввевшаяся в кровь, — всё должно быть на своих местах.

На кухне было тепло и пахло едой, вчерашним супом, который мама с утра разогрела, и ещё — лекарствами. Этот запах — валокордин, травяные сборы, ещё какая-то аптечная горечь — прочно поселился в их квартире в последние годы.

Мама, Мария Ивановна, стояла у старой газовой плиты, кутаясь в большой пуховый платок, из-под которого выбивались седеющие русые волосы. В свои сорок пять она выглядела на все шестьдесят пять: бледная, с осунувшимся лицом и тёмными кругами под глазами, которые не мог скрыть никакой платок. Услышав шаги, она обернулась и попыталась улыбнуться, но улыбка вышла усталой.

— Проснулся, мой хороший? Садись завтракать, — голос у неё был тихим, с хрипотцой.

Роман сел за кухонный стол, покрытый старой клеёнкой в цветочек. Перед ним тут же появилась тарелка дымящегося супа с плавающим кусочком мяса. Мама всегда норовила отдать ему лучший кусок.

— Опять не спала? — спросил он, принимаясь за еду. Спрашивать было бесполезно, но он не мог не спросить.

— Да так, немного... Ты ешь давай, а то опоздаешь в свой университет. Вон, Денис твой уже, поди, ждёт.

Роман отправил в рот ложку супа, прожевал. Потом спросил, глядя в тарелку, чтобы не встречаться с ней взглядом:

— А ты к врачу сегодня?

— Ром, — мама вздохнула, присаживаясь на табурет напротив него. Голос её стал мягче, словно она оправдывалась в чём-то. — Ну нет у нас денег на моё лечение. Сам знаешь. Обследования эти, процедуры... Ты давай учись. Закончишь, устроишься на хорошую работу, вот тогда и...

— Мам, — перебил он резче, чем хотел. — Так нельзя. Тебе с каждым днём хуже.

— Кому хуже? — она попыталась изобразить бодрость. — Мне нормально. Вот весна придёт, теплее станет, я и поправлюсь. Ты не думай об этом. У тебя учёба, молодость... Ты о себе думай.

Роман сжал челюсти так, что на скулах заходили желваки. Спорить было бесполезно. Денег действительно не было. Его заработков с первых попавшихся подработок едва хватало на еду, проезд и самые необходимые лекарства. О полноценном лечении речи не шло.

Он молча доел суп, стараясь не смотреть на маму. Потом встал, быстро поцеловал её в щеку, пахнущую всё теми же травами и теплом, и вышел в коридор.

Прихожая была размером с чулан. Старое зеркало в трещине, вешалка, с которой свисали его куртка, мамино пальто и отцовский китель, который она так и не убрала. Роман натянул старенькие, но начищенные до блеска ботинки, застегнул куртку и взял потёртую сумку с книгами.

Уже взявшись за ручку двери, он остановился, прислушиваясь. За спиной, из кухни, снова донёсся тот самый кашель — сухой, раздражающий, от которого, казалось, стены вибрировали. Роман закрыл глаза на секунду, глубоко вздохнул, и вышел за дверь.

За ней его встретил запах подъезда — привычная смесь сырости, кошачьей мочи, прелых листьев, занесённых с улицы, и чужой бедности. Лестничная клетка тонула в полумраке: лампочку на втором этаже разбили ещё в прошлом месяце, а жильцам было не до неё. Ступени были стёртыми, перила шаткими.

Роман сбегал вниз, перепрыгивая через ступеньку, и толкнул тяжёлую, обитую рваным дерматином дверь подъезда.

Утро встретило его мелким, противным, морозящим дождём и серым, как застиранная простыня, небом. Осенняя листва на асфальте превратилась в бурю кашу, деревья вдоль дороги стояли голые и мокрые. Запахло сыростью, прелью и выхлопными газами от редких машин. Роман глубоко вдохнул этот воздух, привычно поморщился и зашагал к остановке.

Остановка «Заводская» представляла собой жалкое зрелище. Ржавый столб, на котором когда-то висело расписание, теперь был пуст — табличку сорвали то ли ветра, то ли вандалы. Роль навеса исполнял лист прогнившего шифера, державшийся на честном слове и одной ржавой трубе. Под этим жалким укрытием, спасающим разве что от лёгкого дождя, уже сгрудилась толпа.

Бабушка с двумя авоськами, полными картошки и свёклы, кряхтела, переминаясь с ноги на ногу. Мужик в промасленной спецовке с мрачным лицом изучал небо, словно ожидая от него подвоха. Пара таких же студентов с красными от хронического недосыпа глазами и потрёпанными рюкзаками, тихо переговаривались о чём-то своём.

Роман встал в конец очереди, прислонившись спиной к мокрому столбу. В кармане завибрировал телефон. Старая модель, но живучая, как таракан. Денис прислал сообщение: «Ты где? Лерка термос принесла, ждёт героя»). Макс новость втирает, короче, движ будет»

Он усмехнулся и быстро набрал ответ: «Еду уже. В автобусе давлюсь». — Отправил Рома и убрал телефон.

Автобуса не было минут десять. Когда, наконец, из-за поворота показался знакомый облезлый корпус, толпа оживилась. Люди подались вперёд, готовясь к штурму. Автобус и правда был забит под завязку. Сквозь мутные, в потёках, стёкла виднелись силуэты стоящих людей, прижатых друг к другу, как сельдь в банке.

Роман, наученный горьким опытом ежедневных поездок, не полез в драку за место у двери. Он дождался, пока основная масса втиснется, и ловко, как рыба, протиснулся в образовавшуюся на секунду щель. Его прижало спиной к задней двери, сумку пришлось задвинуть под ноги, рискуя, что её затопчут.

Автобус дёрнулся и покатил, мерно покачиваясь на ухабах. В лицо Роману дышала тётка с сумками, пахнувшая потом и чем-то кислым. Кто-то наступил ему на ногу и даже не извинился. Привычная, знакомая картина.

Он смотрел в запотевшее стекло двери, за которым проплывал серый, унылый пейзаж. Сначала потянулась промзона: бесконечные ржавые гаражи-ракушки, покосившиеся заборы из профнастила, серые, безликие корпуса какой-то фабрики, из труб которой валил густой чёрный дым. Потом начались жилые кварталы. Такие же хрущёвки, как его, с облупившейся краской, покосившимися балконами, заваленными хламом, и покарябанными стенами подъездов.

Автобус полз медленно, останавливаясь на каждой остановке, вбирая в себя новых пассажиров и выплёвывая старых. Роман отключился, уйдя в свои мысли, как вдруг толчок и смена света за окном вернули его в реальность. Автобус переезжал мост.

Он всегда ждал этого момента. Резкий контраст, как удар под дых. За мутным стеклом мелькнула тёмная, свинцовая вода реки, а потом картинка переменилась. Серые хрущёвки и промзона исчезли, словно их стёрли ластиком. Начались высотки из стекла и бетона, сияющие чистотой даже в этот пасмурный день. Аккуратные газоны, ещё зелёные, подстриженные кусты. Дороги стали шире и чище, машины на них — дороже. А на остановках, мимо которых проползал автобус, стояли люди в хорошей, качественной одежде, с зонтами, с планшетками в руках. Они даже ждали транспорт иначе — не как битву за выживание, а как досадную задержку.

«Каждый раз этот переход, — подумал Роман, разглядывая девушку в длинном светлом пальто, которая шла по тротуару, не глядя на облезлый автобус. — Как будто из одной страны в другую. Там, за мостом, люди живут по-другому. У них завтрак, наверное, не суп пятилетней давности, а круассаны какие-нибудь. И врачи у них — по знакомству, лучшие. Интересно, они вообще знают, что мы существуем? Что есть районы, где люди в шесть утра уже в очереди на автобус мёрзнут?»

Ответа у него не было. Автобус, отдуваясь чёрным дымом, нехотя приехал на следующую остановку, и Роман, наконец, смог выбраться наружу. Холодный ветер ударил в лицо, но это был ветер свободы после духоты автобуса.

Старый корпус университета, доставшийся факультету «Прометеев» (официально — факультет прикладных технологий, но все звали его так, потому что здесь учились те, кто «добывал огонь» самостоятельно, без связей и денег), мрачно возвышался над заасфальтированным двором. Серое здание сталинской постройки с облупившейся лепниной, грязными окнами и тяжёлой дубовой дверью. В отличие от соседнего, сверкающего стеклом корпуса «Муз», он выглядел бедным родственником, каковым, в сущности, и являлся.

Роман, пригибаясь от ветра, который на открытом пространстве дул особенно зло, побежал к крыльцу, где уже маячили знакомые фигуры.

— Ромео, живой?! — звонкий голос Дениса перекрыл шум ветра.

Денис, в неизменной курьерской форме с логотипом «Доставка-24», видневшейся из-под расстёгнутой куртки, отделился от компании и двинулся навстречу. Тёмные волосы его торчали в разные стороны, делая его похожим на встревоженного воробья, а в глазах привычно поблёскивала хитринка — даже в такой серый день он умудрялся выглядеть так, будто знает какую-то смешную тайну.

— Ты чего такой кислый? — Денис подошёл и с размаху хлопнул его по плечу, тот качнулся. — Мама?

Ромео только кивнул, чувствуя, как внутри привычно заныло от одного упоминания.

— К врачу надо, денег нет, — ответил коротко, без подробностей.

Он понимающе кивнул. Они дружили с детства и знали друг о друге всё. Денис тоже жил с матерью, которая работала на двух работах, чтобы поднять его и младшую сестру. Отца у него не было вообще.

— Ничего, прорвёмся, — бодро заявил Денис, и в его голосе действительно звучала уверенность, которая всегда передавалась Роману. Он сунул руку в карман куртки и извлёк оттуда мятую, но самую настоящую купюру в пятьсот рублей. — Я сегодня ночью заказы развозил, чаевых аж пятьсот рублей дали! Целых пятьсот! Держи.

Роман отшатнулся, как от удара.

— Ты что, сдурел? Не нужно...

— Не спорь, — Денис был настойчив. Он ловко, как фокусник, засунул купюру в карман романовской куртки, игнорируя его сопротивление. — Отдашь, когда разбогатеешь. Я в тебя верю, Ромео. Станешь миллионером, купишь мне целый остров. А пока лечи мать. Кстати, — он кивнул в сторону крыльца, — Лера тебе кофе принесла. Вон, вся извелась, пока ждала. Стоит, краснеет, как маков цвет.

Рома перевёл взгляд на крыльцо. Лера стояла чуть поодаль от общей компании, переминаясь с ноги на ногу и нервно теребя лямку рюкзака. Увидев, что он смотрит, она густо покраснела и опустила глаза. Рядом с ней, уткнувшись в телефон, стоял долговязый Макс, из рюкзака которого, как всегда, торчали какие-то провода, делая его похожим на диковинного ежа.

Лера шагнула вперёд, когда Рома подошёл ближе, и протянула ему выдавший виды, но очень чистый, с вышитыми васильками, термос. Щёки её горели огнём, глаза смотрели куда-то в сторону, на мокрый асфальт.

— Я просто лишний сварила, — пробормотала она, и голос её дрогнул. — Утром встала, кофе сварила, а его много получилось. Выливать жалко. А ты же не завтракал, наверное, с утра-то... Вот и подумала...

Она замолчала, окончательно смутившись.

Рома взял термос, ощутив тепло, идущее от металлических стенок. В горле вдруг встал комок. Он благодарно кивнул, не доверяя голосу. Лера была хорошей. Простая, добрая, всегда готовая прийти на помощь. И Рома знал, что она нравится ему самому, но как-то по-другому, не так, как нужно Лере. Он чувствовал себя виноватым за это.

— Спасибо, Лер, — выдавил он, наконец. — Выручила.

Она только кивнула и отступила назад, прячась за спину Макса, который, наконец, оторвался от телефона.

— Слышали новость? — Макс поднял голову, и его глаза за стёклами очков возбуждённо блестели. — Опять битва факультетов будет! В этом году с «Музой»! Говорят, грант большущий! Я в университетской группе прочитал. Официально!

Денис мгновенно забыл про Леру, про Ромео, про всё на свете. Грант! Это ж какие деньги! Он присвистнул и толкнул друга в плечо.

— О, грант! Ромео, слышал? Это наш шанс! Ты же у нас умный, всех этих мажоров с «Музы» за пояс заткнёшь! Поступишь на нормальный факультет, устроишься на нормальную работу, маму вылечишь... — говорил он быстро, захлёбываясь энтузиазмом.

— Мне и здесь нормально, — пожав плечами сказал Рома, хотя внутри что-то дрогнуло. Грант. Это были реальные деньги. Реальный шанс. Но цена... Борьба с ними, у которых всё схвачено и подкуплено? Он видел этих студентов «Музы» — они выходили из дорогих машин, пахли дорогими духами, у них были идеальные причёски и снисходительные взгляды. Они смотрели на Прометеев как на грязь под ногами.

Он отвинтил крышку термоса. Пар ударил в лицо, запахло дешёвым, но таким родным, растворимым кофе. Рома сделал глоток. Кофе был обжигающе горячим и приторно-сладким. Именно так он и любил.

— Пошли уже, — сказал он, пряча улыбку в кружку. — А то на пару опоздаем. Термос потом верну, Лер.

Они двинулись к тяжёлой дубовой двери. Роман шёл чуть впереди, Денис, обняв за плечи Леру и что-то весело рассказывая ей про ночную доставку, плёлся рядом. А Макс, замыкающий шествие, уже снова уткнулся в телефон, на ходу набирая какие-то запросы в поисковике.

Рома толкнул дверь. В лицо пахнуло теплом и запахом старого здания: мел, пыль, варёная капуста из столовой и бедность. Он сделал ещё один глоток кофе и подумал о гранте. О деньгах. О маме. И о ней...

Проснулась Элис не от будильника, а от мягкого, но настойчивого покашливания. В её комнате вообще не было будильника — она в нём не нуждалась.

— Доброе утро, Элис Викторовна.

Над кроватью склонилась горничная — женщина лет пятидесяти в аккуратном тёмном платье и накрахмаленном фартуке. В руках она держала серебряный поднос с завтраком: круасаны, джем, масло, свежавыжатый апельсиновый сок в хрустальном стакане и чашка идеально сваренного кофе.

Элис приподнялась на локтях, щурясь от яркого света, льющегося из огромных панорамных окон. Шторы были раздвинуты — мать требовала, чтобы день начинался со света.

— Который час? — хриловатым после сна голосом спросила девушка.

— Половина восьмого, — горничная поставила поднос на прикроватную тумбочку из тёмного дерева, поправила салфетку и бесшумно удалилась, прикрыв за собой дверь.

Элис откинулась на подушку и уставилась в высокий потолок с лепниной. Комната была огромной, наверное, квадратов тридцать, не меньше. Стены, оклеенные шёлковыми обоями белого цвета. Антикварный гарнитур, доставшийся от бабушки. Столик с резным зеркалом, уставленный баночками с косметикой, которую она почти не использовала. Идеальный порядок, ни пылинки, ни соринки. Дизайнерский ремонт, который делала мать, не спрашивая её мнения.

На стенах висели репродукции — мать обожала «классику в интерьере». Моне, Ренуар, пара абстракций, выбранных за цвет, а не за смысл. Всё чужое. Всё не её.

Только на тумбочке, рядом с подносом, лежало то, что принадлежало ей по-настоящему: стопка книг в мягких обложках, которые она покупала тайком и прятала от матери, та же считала, что современная литература — это «дурь и деградация», и альбом для набросков, потрёпанный, исцёрканный карандашами.

Дверь открылась без стука. Мать, Елена Викторовна, вплыла в комнату, как дорогой лайнер в тихую гавань. Идеальный макияж, даже в такую рань. Волосы уложены волосок к волоску. Шёлковый халат, расшитый золотыми нитями, стоит, наверное, как зарплата всех Прометеев вместе взятых за полгода. На губах — холодная, отточенная улыбка.

— Элис, подъём, — голос у матери был мелодичным, но в нём всегда звучали металлические нотки. — Артур заедет через час. Ты должна быть готова.

Дочь вздохнула, садясь в кровати.

— Мам, я сама могу доехать. У меня водитель есть.

— Не обсуждается, — отрезала мать, подходя к окну и отдёргивая тюль, хотя он и так был отдернут. — Ты новости смотришь? Там эти убийства... сама понимаешь. Артур будет тебя теперь сопровождать. Мы с отцом так решили. Он надёжный парень.

Элис снова вздохнула, но спорить не стала. Бесполезно. Артур — сын друзей семьи. Артур — прекрасная партия. Артур — всё, что нужно для счастья дочери, по мнению родителей. Было всё, кроме одного: она его не любила.

Мать вышла так же бесшумно, как и вошла, оставив после себя шлейфом запах дорогих духов.

Элис откинула одеяло, встала. Ноги утонули в пушистом ковре ручной работы. Она накинула халат, валявшийся на кресле, и вышла в гостиную.

Дом — двухэтажный особняк в элитном посёлке на набережной — поражал своим величием и стерильностью. Дизайнерский ремонт в стиле «дорого-богато»: мрамор, позолота, хрустальные люстры, картины в тяжёлых рамах. Всё сияло, всё блестело. И также, было абсолютно пустым. Не в смысле мебели, а в смысле жизни. Это был музей, в котором ей с родителями почему-то разрешили жить.

В гостиной за длинным столом из красного дерева завтракал отец, Виктор Петрович. Крупный мужчина с тяжёлым взглядом и сединой на висках, в дорогом костюме, несмотря на ранний час. Перед ним стояли ноутбук, в котором он читал деловые новости, и чашка чёрного кофе.

— Доброе утро, пап, — сказала сонная Элис и села напротив.

Отец поднял глаза от экрана, окинул её быстрым оценивающим взглядом и снова уткнулся в ноутбук.

— Слышал, у вас битва факультетов скоро, — сказал он, не глядя на неё. — Не опозорь нас. Музы всегда должны быть в топе.

— Пап, я всегда всё выигрываю, — Элис отрезала кусочек круассана, но в рот его положить не успела.

— Вот и держи планку, — отец захлопнул ноутбук и посмотрел на неё в упор. Взгляд у него был тяжёлый, давящий. — Ты моя дочь. На тебя смотрят. Люди смотрят. Партнёры смотрят. Ты должна быть лучшей. Во всём.

Он встал, поправил пиджак и вышел из-за стола.

— Артур заедет, как договорились, — бросил он уже от двери. — Веди себя прилично.

Мать, появившаяся в дверях гостиной, проводила его взглядом и села на его место, пригубив зелёный чай из тонкой фарфоровой чашки.

Элис смотрела в окно на идеально подстриженный газон, на фонтан во дворе, на охрану у ворот. Внутри было пусто и холодно, как в этом доме.

«Держи планку, — подумала она, ковыряя вилкой круассан, который вдруг перестал казаться вкусным. — Будь лучшей. Не опозорь. Интересно, а если я просто хочу быть собой? Не лучшей. Не первой. Не идеальной дочерью. А просто... собой? Кем я хочу быть? Я и сама не знаю. Наверное, никто и никогда меня об этом не спрашивал».

Ровно в 8:30 у ворот особняка притормозил чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Элис, одетая в стильное, но удобное пальто и с сумкой через плечо, вышла за ворота клетки, а из машины в тоже время, вышел Артур.

Он был безупречен. Дорогой костюм от итальянского бренда, идеальная укладка, свежий парфюм, уверенная улыбка человека, которому никогда ни в чём не отказывали. Двадцать два года, а уже владелец сети ресторанов и галереи. Мать была бы в восторге, если бы он был лет на пять постарше, но и так сойдёт.

— Доброе утро, принцесса, — Артур распахнул перед ней дверь и слегка поклонился, изображая рыцаря. — Твой рыцарь прибыл. Прошу.

— Я не принцесса, Артур, — Элис улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, привычной маской. Она скользнула на заднее сиденье.

— Для меня иначе и быть не может, — парень сел за руль, поправил зеркало заднего вида и плавно вырулил на дорогу.

В машине играла классическая музыка — Чайковский, кажется. Звук лился из дорожной аудиосистемы, обволакивая салон. Артур, не умолкая, рассказывал про новый ресторан,

который открыл на прошлой неделе, про галерею, которую спонсирует, про каких-то важных людей, с которыми ужинал вчера.

Элис слушала вполуха. Её взгляд был прикован к окну. За стеклом проплывали идеальные улицы их района: чистые тротуары, дорогие машины, люди в хорошей одежде, спешащие по своим делам. Всё чуждое.

Машина пересекла мост. Элис всегда любила этот момент. Река, разделяющая два мира. Там, за мостом, начиналась другая жизнь. Дома становились ниже, люди — проще, машины — старше. И в этой простоте было что-то... настоящее? Она не знала. Она никогда там не была. Только проезжала мимо.

— Элис? Ты меня слушаешь? — голос Артура ворвался в её мысли.

— Да-да, конечно, — автоматически ответила она. — Ресторан, галерея, всё замечательно.

Артур усмехнулся в зеркало заднего вида:

— Ты сегодня какая-то рассеянная. Влюбилась, что ли?

— Влюбилась? — удивилась вопросу девушка. — В кого? В Чайковского?

Он рассмеялся, довольный своей недо-шуткой. А она снова уставилась в окно, на проплывающие мимо серые кварталы.

«Зачем я это делаю? — думала она. — Зачем я еду с ним? Зачем играю эту роль? Чтобы мама была довольна? Чтобы папа сказал «молодец»? Чтобы не опозорить фамилию?»

Ответа не было. Был только запах дорогого парфюма Артура, мягкий кожаный салон и классическая музыка, которую она уже ненавидела...

У входа в сверкающий корпус «Муз» было людно. Студенты в дорогой одежде, с дорогими сумками, с идеальными укладками, переговаривались, смеялись, целовались, обсуждая вчерашние вечеринки и предстоящие выходные. Мир за стеклянными дверями казался таким же идеальным и стерильным, как особняк Элис.

Артур припарковался на гостевой стоянке и вышел, чтобы открыть дверь перед Элис. Ритуал, которого требовала её мать, и который Артур выполнял с удовольствием.

Из толпы студентов к ним тут же выпорхнула Карина. Идеальная укладка, сумка известного бренда, которая стоила целое состояние. Лицо у Карины было милым, но в глазах всегда читалось холодное, оценивающее выражение.

— Артурчик, привет! — чмокнула его девушка в щёку, оставляя след от помады, который он тут же стёр платком. — Элис, ты видела, что я тебе вчера скидывала в мессенджер? Это платье от «Диор» — просто бомба! Я такое же заказала, только в зелёном. Ты должна его надеть на ужин к Верховым!

— Видела, — Элис кивнула, стараясь, чтобы голос звучал заинтересованно. Платье она, конечно, видела. И оно ей не понравилось. Слишком вычурное, слишком дорогое, слишком не её. Но сказать об этом Карине было нельзя — обидится.

— Надеюсь, ты пойдёшь в нём на ужин Элис? — Карина тут же перевела взгляд на Артура. — Артур, ты будешь там?

— Конечно, — парень улыбнулся своей идеальной улыбкой и снова посмотрел на Элис. — Я заеду за тобой в семь.

Он поцеловал её в щёку, сел в машину и уехал. Карина тут же подхватила подружку под руку и потащила к входу.

— Ну как он? Идеальный же! — щебетала она. — Такой заботливый, такой успешный. Мама моя говорит, таких днём с огнём не сыщешь. Ты счастливица!

Элис промолчала. Счастливица. Если бы она только знала и понимала.

— Слушай, — Карина вдруг понизила голос и кивнула в сторону старого корпуса, стоящего поодаль. — Ты видела этих с Прометеев? Вон они, уродцы, стоят. Говорят, они в этом году на битву выходят. Умора. Представляю их рожи, когда они увидят наш уровень.

Элис посмотрела в ту сторону. У входа в старый облезлый корпус действительно стояла группа студентов. Они были одеты просто, дёшево, небрежно. Кто-то дымил, кто-то просто топтался на месте, греясь. Они смеялись над какой-то из своих шуток, и в этом даже не было надменности «Муз», была какая-то своя, особая, тёплая жизнь.

Вдруг Элис замерла. Среди них она увидела абсолютно не примечательного, но очень интересного на первый взгляд парня. Он стоял чуть поодаль, пил что-то из термоса и слушал, как высокий, лохматый парень что-то увлечённо рассказывает, размахивая руками. И улыбался. Улыбался просто, открыто, без той фальшивой вежливости, к которой она привыкла.

Девушка смотрела на него, и внутри что-то ёкнуло. Он был из другого мира. Из мира, где люди греются у старых корпусов, пьют кофе из термосов и улыбаются просто так. Он не знал её. И она не знала его. Но почему-то именно сейчас, глядя на его улыбку, она острее, чем когда-либо, почувствовала пустоту своего собственного мира.

— Элис! Ты чего застыла? — Карина дёрнула её за руку. — Пошли, опоздаем. Профессор Ковалёв сегодня, он злой как чёрт.

Элис отвернулась и послушно пошла за подругой в сверкающий корпус. Но образ парня с термосом и его живой, настоящей улыбки остался перед глазами.

«Интересно, какие они? — думала она, поднимаясь по мраморной лестнице. — Те, с Прометеев. Какая у них жизнь? О чём они говорят, когда смеются? И этот парень... Он ведь меня не знает. И я его не знаю. Но почему-то мне кажется, что он видит мир по-другому. По-настоящему».

Она вошла в аудиторию, села за парту рядом с Кариной, достала ноутбук и приготовилась слушать лекцию. Но мысли её были далеко — там, у старого облезлого корпуса, где стоял парень с термосом и пил кофе, который ему, наверное, налила та девушка с косичками. Та, которая смотрела на него с такой теплотой. Элис вдруг поймала себя на странном, незнакомом чувстве. Ей стало... обидно? Она не понимала. И это было странно.

После лекций Элис выскользнула из корпуса «Муз» незаметно от Карины. Та осталась болтать с какими-то знакомыми в холле, обсуждая детали предстоящей вечеринки. Элис надоело слушать про платья, мальчиков и сплетни. Хотелось просто побыть одной, пройтись, подышать воздухом, который не пропах элитным парфюмом и фальшивой любезностью.

Она обогнула сверкающее стеклянное здание и углубилась в старый университетский двор, туда, где росли вековые липы и стояли покосившиеся скамейки. Здесь почти никто не ходил — студенты «Муз» предпочитали ровные дорожки у своего корпуса, а «Прометей» обычно тусовались у входа или в столовой. Здесь было тихо, пахло сырой листвой и покоем.

Элис шла, глядя под ноги, и думала о своём. О разговоре с матерью, о тяжёлом взгляде отца, о предстоящем ужине с Артуром, на котором ей снова придётся изображать счастливую невесту. Всё это было так... уныло. Так предсказуемо. Так безнадежно.

И вдруг она услышала писк.

Тонкий, жалобный, едва различимый на фоне городского шума. Элис остановилась, прислушалась. Писк повторился — отчаяннее, громче. Он доносился откуда-то из-за кустов, растущих возле старой облезлой скамейки.

Элис свернула с дорожки и, пробираясь сквозь мокрые ветки, подошла ближе. Под кустом, на куче прелых листьев, стояла картонная коробочка, насквозь промокшая от дождя. А в коробке... три крошечных комочка. Три котёнка. Они жались друг к другу, дрожали всем телом и жалобно, отчаянно пищали. Маленькие, мокрые, замёрзшие, с закрытыми глазами. Им было, наверное, от силы недели две.

Девушка застыла. Она не знала, что делать. У неё никогда не было домашних животных. Мать говорила, что у неё аллергия, хотя на самом деле она просто не хотела возиться с шерстью и грязью. Да и зачем, когда есть другие заботы? Элис даже не представляла, как берут на руки котёнка, как его кормят, как согревают.

Она опустилась на корточки прямо на мокрую землю, не замечая, что дорогое пальто пачкается. Заглянула в коробку. Котята пищали, слепо тыкаясь мордочками друг в друга в поисках тепла и молока, которых не было. У Элис защипало в глазах. Девушка не плакала... нет. Просто ветер, наверное, или сырость. Но слёзы уже стояли в глазах, готовые пролиться.

— Бедненькие, — прошептала она. — Что же мне с вами делать?

— Им холодно.

Голос раздался так неожиданно, что Элис вздрогнула и резко обернулась.

Позади неё стоял он. Тот самый парень, которого она видела утром у старого корпуса. С термосом. Сейчас он не улыбался — смотрел на котят сосредоточенно, оценивающе, как смотрят на проблему, которую нужно срочно решать.

Солнце, выглянувшее на мгновение из-за туч, скользнуло по его лицу, осветив тёмно-русые, чуть взлохмаченные волосы, и упёрлось Элис прямо в глаза. На секунду ей показалось, что весь мир замер. Она видела его — настоящего, живого, с твёрдыми линиями скул, с глазами цвета тёмной осенней листвы. А он видел её — растерянную, с мокрыми от несостоявшихся слёз ресницами, сидящую на корточках в грязи и не знающую, что делать.

— Сейчас принесу что-нибудь, — сказал он коротко и, развернувшись, быстро пошёл к старому корпусу.

Элис смотрела ему вслед, не в силах пошевелиться. Он не спросил, кто она. Не сделал замечаний на её дорогую одежду. Просто увидел проблему и пошёл её решать. Как-то... по-простому, по-человечески.

Он вернулся через минуту, на ходу заворачивая в какую-то старую, выцветшую кофту. Присел рядом, ловко, привычными движениями, достал котят из коробки, одного за другим, и закутал в кофту, создавая импровизированное гнездо. Котята, почувствовав тепло, затихли, только слабо попискивали, тычась друг в друга.

— Замёрзли совсем, — сказал он, не глядя на Элис. — Ещё бы пара часов — и всё. В коробке-то мокро, холодно.

— Я... — Элис наконец обрела дар речи, но голос прозвучал хрипло и жалко. — Я не знала, что делать. У меня сумка дорогая, я не могу... то есть... боже, что я несу? — она осеклась, чувствуя, как краска стыда заливает щёки. Сказать такое при нём! Он сейчас подумает, что она полная идиотка. Или, что ещё хуже, та самая высокомерная мажорка, которой плевать на всё, кроме своих дорогих вещей.

Но он не усмехнулся и не скривился. Он просто поднял на неё глаза и... улыбнулся. Улыбнулся тепло, открыто, немного устало, и от этой улыбки у неё внутри что-то перевернулось.

— Не надо сумку, — сказал он просто. — Стой здесь.

Он взял свёрток с котятами на руки, встал. Элис тоже поднялась, отряхивая пальто от налипших листьев и грязи. Теперь она стояла совсем близко к нему и могла рассмотреть его лучше. Простая куртка, потёртая, но чистая. Старые джинсы. Ботинки, начищенные до блеска, несмотря даже на непогоду. Руки с выступающими венами, сильные, с въевшейся в кожу чёрными пятнами — то ли машинное масло, то ли ещё что. И глаза — тёмные, внимательные, смотрящие прямо в душу.

— Ты... ты часто так делаешь? — спросила она, не зная, что ещё сказать, лишь бы он не уходил, лишь бы продлить этот странный, ни на что не похожий момент.

Он посмотрел на котят, потом снова на неё.

— Животные — они проще людей, — ответил он задумчиво, и голос у него был низкий, спокойный. — Им не важно, сколько у тебя денег, какая у тебя сумка, из какого ты мира. Им важно, чтобы не били и кормили. И чтобы тепло было. Всё довольно просто мне кажется.

Он говорил это, а сам смотрел на неё, и Элис вдруг поняла: он говорит не только о котятах. Он говорит как будто о чём-то большем. О мире, где она живёт. О деньгах, которые у неё есть. О том, что для него, наверное, всё это — пустой звук.

— Спасибо, — выдохнула она, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое, несмотря на холодный ветер. — Спасибо тебе большое. Я... я даже не знаю, как тебя зовут.

— Рома, — просто ответил он.

— А я Элис.

Он кивнул, принимая информацию. Без придыхания, без подобострастия.

Где-то вдалеке раздался нетерпеливый сигнал машины. Один, второй, третий. Водитель, наверное, уже обыскался. Или мать позвонила и приказала ехать. Девушка вздрогнула, возвращаясь в реальность.

— Мне пора, — сказала она с сожалением. — Спасибо ещё раз. За котят. За...

— Не за что, — улыбаясь ей на прощание ответил Роман. — Я отнесу их в тёплое место. В подсобке у нас есть коробки, сухо. И молоком напою, если найдётся.

— Правда?! — просияла она.

— Правда. Беги, а то засигналит.

Элис кивнула, развернулась и почти побежала к выходу со двора. У самых ворот она обернулась. Роман всё ещё стоял на том же месте, с котятами на руках, и смотрел ей вслед. Солнце снова выглянуло из-за туч и осветило его фигуру, делая её почти сказочной. Она улыбнулась ему — впервые по-настоящему за этот день, за этот месяц, может быть, за всю свою жизнь — и скрылась за поворотом.

Машина Артура уже ждала у ворот, водитель нервно барабанил пальцами по рулю. Элис скользнула на заднее сиденье, стараясь так, чтобы он не заметил грязи на пальто.

— Извините, задержалась, — выдохнула она.

— Елена Викторовна звонила, — сухо ответил водитель, трогаясь с места. — Просила поторопиться.

Девушка откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Перед внутренним взором всё ещё стоял образ Романа с котятами на руках и его тёплая, настоящая улыбка. В груди разливалось странное, забытое чувство. Похожее на то, что она испытывала в детстве, когда ещё верила в чудеса.

Но стоило машине пересечь мост и въехать в её район, как это чувство начало таять, сменяясь привычной пустотой. Идеальные улицы, идеальные дома, идеальная жизнь, в которой нет места для парней со старого корпуса и спасённых котят. В которой есть только планка, которую нужно держать. И роль, которую нужно играть.

Элис открыла глаза и посмотрела на своё отражение в тонированном стекле. Девушка в дорогом пальто, с идеальным макияжем, с сумкой известного бренда. Дочь своего отца. Гордость своей матери. Невеста Артура. Кукла.

Где-то же глубоко внутри, в самом сердце, уже тлела маленькая искра. Искра, зажжённая парнем со старого корпуса, который улыбнулся ей просто так.

На следующий день Элис чувствовала себя странно. С утра, собираясь в университет, она поймала себя на том, что выбирает одежду тщательнее обычного. Не для Артура, нет. Для него она всегда одевалась как надо — так, как требовала мать. А сегодня... сегодня ей почему-то хотелось выглядеть... проще? Она надела джинсы, хотя мать их терпеть не могла, считала «плебейской одеждой», и мягкий свитер. Волосы не стала укладывать, просто собрала в небрежный хвост. Взглянула в зеркало — и впервые за долгое время себе понравилась.

— Ты куда это собралась? — мать, зашедшая в комнату без стука, окинула её подозрительным взглядом. — Что за тряпьё?

— Это не тряпьё, мам. Это джинсы. Их все носят.

— Все — это кто? Дворники? Студенты Прометеев? Ты дочь своего всеми уважаемого отца. Одевайся подобающе.

Элис промолчала. Спорить бесполезно. Но джинсы не сняла. Маленькая победа.

В университет она поехала с водителем — Артур был занят делами и прислал сообщение с извинениями. Элис вздохнула с облегчением. Ещё один день без его идеальной улыбки и пустых разговоров.

В общей столовой, куда они с Кариной и Светой зашли между парами, было шумно илюдно. Очередь за кофе змеилась вдоль стойки, но Элис не возражала. Здесь, в этом стеклянном, стерильном пространстве, было хоть какое-то подобие жизни. Карина, как всегда, бухтела:

— Господи, ну почему здесь вечно такая очередь? Неужели нельзя пить нормальный кофе в нормальных местах? — она демонстративно закатывала глаза, рассматривая идеальный маникюр.

— Здесь кофе лучше, чем у нас в кофемашине, — тихо заметила Света, скромная девушка с тихим голосом, которая всегда ходила за Кариной и Элис, но никогда не влезала в разговоры.

— Лучше? Этот шлак? — фыркнула Карина. — Ты просто не пила настоящий кофе, Света.

Элис промолчала. Она пила настоящий кофе. И дома, и у Артура, и в лучших ресторанах города. Но сейчас ей почему-то хотелось именно этого — обычного, дешёвого, автоматного...

Мысли о нём не отпускали со вчерашнего дня. Роман. Парень с тёплыми глазами и грустной улыбкой. Интересно, он сегодня в университете? Может, она увидит его? И что тогда? Подойти? Сказать спасибо? Он же сказал, что отнёс котят в тёплое место... Интересно, как они там?

— Элис, смотри, — Карина вдруг толкнула её локтем и кивнула в сторону обеденного зала. — Вон тот. Нищоброд с Прометеев. Я таких сразу вижу.

Сердце девушки пропустило удар. Она повернула голову и сразу увидела Рому. Он сидел за дальним столиком у окна, один, склонившись над конспектами. Перед ним лежала стопка бумаги, и он что-то сосредоточенно переписывал старой, дешёвой ручкой, которая то и дело переставала писать, и он стряхивал её, пытаясь выдавить остатки пасты. Куртка висела на спинке стула, свитер на локтях был немного потёрт, но аккуратен. Он не замечал никого вокруг, полностью погружённый в работу.

Элис смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается тепло. Вчерашняя встреча всплыла перед глазами: его руки, заворачивающие котят в кофту, его улыбка, его голос: «Животные — они проще людей». Он был таким... настоящим.

— Слушай, давай его проверим, — голос Карины вырвал её из задумчивости. В нём звучал азарт охотника.

— Что? — Элис не поняла.

— Разлей ему кофе на конспекты. Будет приколы, — Карина ухмыльнулась, и в её глазах зажглись недобрые огоньки. — Представляешь его рожу? Сидит, нищобродствует, конспектики пишет, а тут бац — и всё коту под хвост!

— Карина, нет. Зачем? — Элис почувствовала, как внутри всё похолодело. — Он же ничего плохого не сделал.

— Ну ты чего, слабо? — Карина прищурилась, впиваясь в неё взглядом. — Или ты за этих? Элис, ты с нами или с ними? — она обвела рукой компанию «Муз», столпившуюся у очереди. Все обернулись, с интересом наблюдая за сценой. Кто-то хихикнул, кто-то просто ждал развития событий. Давление толпы было физически ощутимым.

Света опустила глаза, делая вид, что рассматривает пол. Она не вмешивалась, не смела. Только сжалась, словно пытаясь стать невидимкой.

Элис смотрела на Карину, на её насмешливое, уверенное лицо, на всю эту компанию, которая ждала от неё подтверждения: «своя». Она вдруг остро почувствовала себя запертой в клетке. В золотой клетке, где нужно постоянно доказывать, что ты достойна сидеть с хищниками.

«Я не хочу, — закричало всё внутри. — Я не хочу этого делать!»

Но вслух она ничего не сказала. Потому что если откажется — они её съедят. Засмеют. Объявят предательницей. И тогда придётся сидеть одной в этой стеклянной столовой, слушать, как за спиной шепчутся «мажорка с прибабахом», и прятаться по углам. А мать с отцом потом спросят: «Почему ты не общаешься с ребятами? Ты позоришь семью?»

Она взяла стакан с кофе. Рука чуть дрогнула, но она сжала пальцы сильнее.

— Это же просто шутка, так? — прошептала она себе под нос, уговаривая себя. — Он даже не поймёт, что это я. Просто шутка...

Она подошла к столику Романа. Он не заметил её — слишком увлечён был переписыванием, выводя буквы на жёлтой бумаге. Стопка конспектов лежала перед ним — результат многих часов работы, многих бессонных ночей.

Элис поравнялась с ним, сделала вид, что споткнулась. И опрокинула стакан.

Горячая коричневая жижа выплеснулась на конспекты, заливая страницу за страницей. Бумага мгновенно потемнела, чернила поплыли, превращая аккуратные строчки в грязные разводы.

Роман вскочил, отшатнувшись.

— Ты что творишь?!

Он поднял глаза. И узнал её. Ту самую девушку. Ту, которой он улыбался вчера, думая, что она не такая, как все эти «Музы». Ту, которая смотрела на него с такой благодарностью.

В его взгляде сначала мелькнула боль. Самая настоящая, живая боль человека, которого предали. Потом — понимание. А потом — холод. Ледяной, стальной холод, от которого у Элис сердце сжалось в комок.

— Я... прости... — шептала она себе под нос, чувствуя, как горят щёки, как подступают к горлу слёзы. — Я не... я не хотела...

— Элис, иди к нам! — донёсся от стойки громкий, довольный голос Карины. — Поделом ему! Прометеи должны знать своё место!

Девушка стояла, разрываясь между желанием провалиться сквозь землю, закричать, что это не она, что она не хотела, и инстинктом самосохранения, который толкал её прочь, к своим, в безопасность стаи.

Она не извинилась. Она просто развернулась и, не глядя на Рому, быстро, почти бегом, пошла к столику «Муз», где её уже встречали улыбками и одобрительными хлопками.

— Молодец! — продолжала Карина. — А я уж думала, ты водишься с этим мусором.

Элис села на свободный стул, чувствуя, как дрожат руки. Она не оборачивалась. Не могла. Боялась увидеть его взгляд.

Сам же парень стоял над разлитым кофе, над погибшими конспектами, и смотрел вслед удаляющейся фигуре в дорогих джинсах. Та самая. Казалось бы красивая и нежная. Та, которая смотрела на него с такой благодарностью. Которая сказала «спасибо» и улыбнулась на прощание.

Внутри всё кипело от обиды, от злости, от предательства. Он не знал, что больше: потерянные конспекты за которыми стояли часы работы или эта пощёчина от судьбы — поверить в чудо и получить плевков в душу.

— Ты чего? — Денис подлетел первым, за ним, запыхавшаяся, бежала Лера. Они сидели в другом конце столовой, но всё видели. — Эта стерва что, специально?

— Специально, — голос был глухим, чужим.

— Ром, я сейчас пойду скажу им... — Лера рванула вперёд, готовая разорвать обидчицу голыми руками, но Роман перехватил её за руку.

— Не надо, Лер. Не связывайся. Это просто кофе... — он посмотрел на залитые конспекты, на расплывшиеся строчки, и горько усмехнулся.

Он аккуратно, стараясь не порвать мокрую бумагу, собрал остатки конспектов. Некоторые страницы можно было спасти, некоторые — нет. Многие придётся переписывать заново. Всю ночь напролёт. А завтра ведь уже сдавать работу.

— Я тебя запомнил, — тихо сказал он, глядя на столик «Муз», где компания весело хохотала, обсуждая случившееся. — Элис. А я, видимо, совсем дурак.

Лера смотрела на него, и в её глазах стояли слёзы. Не за себя — за него. За то, как он сжал челюсти, как потемнел взгляд, как спрятал боль глубоко внутрь. Денис молча положил руку ему на плечо. Слова были не нужны. Иногда просто быть рядом — уже помощь.

Элис сидела за столиком «Муз», слушала щебетание Карины, и внутри у неё всё горело. Она не видела лиц, не слышала голосов. Перед глазами стоял только он. Его взгляд. Сначала боль, потом понимание, потом холод. Ледяной, уничтожающий холод, которым он окатил её.

«Что я наделала?» — думала она, сжимая под столом дрожащие руки.

— Элис, ты чего такая кислая? — Карина трясла её за плечо. — Расслабься! Это же просто нищеброд. Подумаешь, конспекты. Напишет новые.

— Да, конечно, — машинально ответила Элис, выдавливая улыбку. — Всё нормально.

Она обернулась. Роман уже уходил из столовой вместе с друзьями. Девушка с косичками — Лера, кажется — поддерживала его под руку, а лохматый парень что-то говорил, явно пытается подбодрить. Он не обернулся. Ни разу.

Элис смотрела ему вслед, и ей казалось, что вместе с ним уходит что-то важное. Что-то, что могло бы стать настоящим. А она только что своими руками это уничтожила.

«Ты с нами или с ними?» — эхом звучал в ушах голос Карины.

Она выбрала. И этот выбор будет преследовать её ещё очень долго.

Дом встретил её тишиной и стерильной чистотой. Элис поднялась в свою комнату, даже не заглянув в гостиную, где мать наверняка смотрела какой-нибудь сериал или листала глянцевого журнала. Ей нужно было побыть одной. Переварить случившееся. Понять, кто она такая на самом деле.

Она рухнула на кровать, даже не сняв пальто, и уставилась в потолок. Перед глазами всё стоял тот взгляд. Холодный, уничтожающий. Взгляд человека, которому она сделала больно. Просто так. Чтобы доказать, что она «своя» в стае таких же пустых, фальшивых кукол.

— Дура, — прошептала она в пустоту. — Какая же я дура.

В дверь постучали — деликатно, но настойчиво. Мать. Кто же ещё.

— Элис, ты чего? — Елена Викторовна вошла, не дожидаясь ответа, и застыла в дверях, окидывая дочь недовольным взглядом. — Лежишь в пальто на кровати? Испортишь покрывало. И что за вид? Почему ты не переоделась? Артур приехал.

Элис закрыла глаза. Артур. Конечно. Ужин. Идеальный вечер с идеальным парнем.

— Мам, я не хочу никуда идти.

— Не говори глупостей, — голос матери стал стальным. — Артур ждёт внизу. Мы договаривались неделю назад. Это важный ужин, там будут важные люди. Приведи себя в порядок и спускайся. Через пятнадцать минут.

Дверь закрылась. Элис полежала ещё минуту, собираясь с силами, потом встала, скинула пальто, подошла к зеркалу. Из зеркала на неё смотрела красивая, ухоженная девушка с пустыми глазами.

Она быстро переоделась в платье, которое выбрала мать, оно висело наготове на отдельной, специальной вешалке, поправила макияж и волосы, нацепила улыбку. И спустилась вниз.

В гостиной было торжественно и фальшиво, как на театральной сцене. Артур с огромным букетом роз, отец в идеальном костюме, мать с сияющей улыбкой — выпендрёж чистой воды. Все смотрели на неё с ожиданием.

— Элис, дорогая! — Артур шагнул навстречу, вручая цветы и целуя в щёку. — Ты сегодня просто ослепительна. Это платье тебе невероятно идёт.

— Спасибо, — вскользь ответила она, принимая букет.

— Ну что, поехали? — он предложил ей руку. — Столик заказан на восемь. Будет несколько интересных людей, ты пообщаешься, расширишь кругозор.

Элис послушно взяла его под руку, позволила увести себя к машине, усадить на заднее сиденье. Всё как всегда. Всё как в фильме, который она ненавидит, но вынуждена смотреть бесконечно.

За окном проплывали огни вечернего города. Девушка смотрела на них и думала о другом мире. О мире, где люди пьют дешёвый кофе из термосов, переписывают конспекты старыми ручками и спасают котят просто так, не за деньги, не за похвалу или репутацию, а потому что по-другому не могут.

— Элис? — вырвал голос её из мыслей. — Ты какая-то задумчивая сегодня. Случилось что?

— Нет, — она покачала головой и нацепила улыбку. — Всё хорошо. Просто устала.

— Отдыхай, — снисходительно улыбнулся он. — Вечером расслабишься.

Девушка отвернулась к окну, чтобы он не видел её глаз.

«Я хуже, чем он думает, — пронеслось в голове. — Я та, кто льёт кофе на чужие конспекты, чтобы доказать, что я своя. Я предательница. И хуже всего то, что я знаю это, но продолжаю играть эту роль. Зачем? Зачем мне это всё?»

Ответа не было. Только огни за окном, равнодушно скользящие мимо...

Роман шёл через Кировский парк, сокращая путь домой. После того, что случилось в столовой, оставаться в университете не было сил. Денис предлагал завалиться к нему, посидеть, выпить чаю, но Рома отказался. Хотелось побыть одному. Переварить.

В парке было темно и сыро. Фонари горели через один, отбрасывая на дорожки дрожащие, неверные тени. Где-то вдалеке лаяли собаки, шумели поезда. Привычный, успокаивающий фон.

Парень всё шёл, пиная носком ботинка мокрые листья, и думал. О конспектах, которые придётся переписывать всю ночь. О маме, которой снова не на что покупать лекарства. О том, что он снова оказался никем для тех, кто живёт за мостом. И о ней. Об Элис.

Красивая. Ухоженная. С идеальной улыбкой и пустыми глазами. А он-то, дурак, размечтался. Подумал: «Вот она, другая, настоящая», а она оказалась хуже других. Потому что у неё был шанс быть другой, а она им не воспользовалась.

Он вышел на небольшую площадь в центре парка и вдруг замер.

На асфальте, прямо посередине дорожки, лежал рисунок. Портрет девушки выполненный углём. Красивый, профессиональный, но какой-то жуткий. Глаза на рисунке были широко раскрыты, в них застыл ужас, а рот искривлён в беззвучном крике.

Рома наклонился, рассматривая. Талантливо, ничего не скажешь. Но жутко. Очень жутко. Кто-то из уличных художников балуется? Но зачем рисовать такое? И почему именно здесь, в парке?

— Странно. — пробормотал он себе под нос.

Он пошёл дальше, но осадок остался. Что-то было не так в этом рисунке. Что-то неправильное, тревожное. Но Рома отогнал мысли. У него своих проблем хватало.

Магазин «Продукты 24» на окраине Кировки встретил его тусклым светом неоновых ламп и запахом дешёвой выпечки и кофе. Он переделся в униформу — синюю жилетку с логотипом — и встал за кассу.

Вечер тянулся медленно. Приходили пьяные мужики за пивом, скандалили, требовали скидку. Приходили уставшие женщины после работы, покупали хлеб и молоко. Приходили подростки, пытались выкрасть сигареты и алкоголь, но Рома всё видел, пресекал.

Он работал на автомате, пробивая товары, отсчитывая сдачу, а мысли были далеко. Думал о маме. О деньгах на операцию. О том, что грант на битве факультетов — это реальный шанс, но для этого нужно победить их. Тех, у кого репетиторы, связи, деньги. Тех, кто даже не считает его за человека.

— Эй, парень, ты спать собрался? — пьяный мужик в грязной спецовке тряс перед его носом пустой бутылкой. — Пива давай, быстро!

Парень молча пробил бутылку, взял деньги, дал сдачу. Мужик ушёл, хлопнув дверью. Роман посмотрел ему вслед и подумал:

«Она там, в ресторане, ест устрицы, пьёт дорогие напитки, смеётся с такими же, как она. А я здесь, с этими... И так всегда. Всегда будет так. Так зачем я вообще смотрел на неё? Зачем мне это всё?»

Он вздохнул и принялся протирать прилавок.

В магазине было тихо. Глухая ночь, часа два. Рома сидел на высоком стуле за кассой и листал старую книгу, которую прихватил из дома, чтобы не скучать. В углу под потолком работал маленький телевизор, включенный на новостном канале. Звук был убавлен, но картинка мелькала, создавая иллюзию жизни.

Вдруг на экране появилась заставка экстренного выпуска. Дикторша выглядела взволнованной. Парень прибавил звук пультом.

— ...экстренное сообщение. В Кировском парке найдено тело молодой девушки. По предварительным данным, это студентка университета, факультет «Музы». Полиция не исключает криминальный характер смерти. На месте происшествия работает следственная группа. Рядом с телом обнаружен странный рисунок углём. По словам очевидцев, это портрет самой погибшей. Подробности уточняются...

Роман застыл. Кировский парк. Тот самый, через который он шёл сегодня вечером. Рисунок углём. Прямо как тот, который он видел. Портрет девушки.

Тело. Студентка «Музы».

У него похолодело внутри. Он вспомнил тот портрет — искажённое ужасом лицо, широко раскрытые глаза. И его нашли рядом с телом. Значит, это не просто уличный художник. Это...

Он перевёл взгляд на тёмное окно магазина, за которым простиралась пустая, плохо освещённая улица. Фонарь напротив входа мигал, то загораясь ярко, то почти угасая, погружая всё вокруг в дрожащий полумрак.

И вдруг он увидел его...

На другой стороне улицы, у края тротуара, стояла фигура. Человек, стоявший неподвижно как статуя, и смотрел прямо на магазин. Прямо на Романа.

Сердце ушло в пятки. Рома не видел лица — только тёмный силуэт на фоне мигающего фонаря. Но он чувствовал этот взгляд. Холодный, пронизывающий, липкий.

Фигура стояла и смотрела. Секунду, две, три.

А потом фонарь мигнул в последний раз, погас почти полностью, и когда через мгновение снова зажёгся, на том месте уже никого не было. Пустой тротуар, тёмные кусты, мокрый асфальт.

Роман смотрел в окно, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Руки дрожали. Он не был трусом, но сейчас ему стало по-настоящему страшно. Не за себя, а за то, что это могло значить. За то, что он только что видел.

Фигура исчезла, но взгляд остался. Врезался в память, как тот рисунок — в асфальт.

Роман медленно перевёл дыхание, провёл рукой по лицу. Надо успокоиться. Надо просто работать. Это просто показалось. Просто тень. Просто игра света.

Но в глубине души он знал, что это не так.

Парень посмотрел на телефон, на котором светилось время — 0:47 ночи. Потом снова на окно. Пусто. Никого.

Только ветер гнал по асфальту обрывки газет и жухлые листья. Те самые, что он видел в парке. Те самые, что шуршали рядом с тем рисунком.

Рома глубоко вздохнул и сжал в руке книгу, пытаясь унять дрожь. До конца смены оставалось ещё два часа, долгих, бесконечных часа в пустом магазине, за окном которого, возможно, кто-то стоит и наблюдает.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Ночь. Глубокая, беспросветная, за окнами восходящие ввысь хрущёвки. Роман сидел за письменным столом, сгорбившись над стопкой бумаг, и при тусклом свете настольной лампы переписывал конспекты. Страница за страницей, строчка за строчкой. Рука устала, глаза красные и сухие, но он не останавливался.

Перед ним лежали оригиналы — то, что осталось от залитых кофе листов. Кое-где чернила расплылись так, что невозможно было разобрать ни слова. Кое-где бумага просто размокла и порвалась, когда он пытался их разделить. Придётся восстанавливать по памяти, по обрывкам, по кускам.

Часы на стене показывали четверть пятого.

Физика. Оптика. Линзы. Он ненавидел оптику, но сдавать через пару часов.

Дверь скрипнула. Мама заглянула в комнату, кутаясь в пуховый платок. Лицо у неё было встревоженным.

— Ром, ты почему не спишь? — спросила она тихо, чтобы не разбудить соседей за тонкой стеной. — Четвёртый час уже.

— Конспекты переписываю, — ответил он, не оборачиваясь.

— Какие конспекты? Ты же их уже писал. Я видела, ты весь вечер вчера корпел.

— Были, — Роман усмехнулся горько. — Теперь — новые.

Мама подошла ближе, встала у него за спиной, положила руку на плечо. Тёплая, сухая ладонь, от которой пахло лекарствами и чувствовалась забота.

— Что случилось, сынок? Расскажи мне.

Роман на секунду замер, потом покачал головой.

— Ничего, мам. Просто... не повезло.

Он не мог рассказать ей правду. Про эту девчонку, про кофе, про предательство. У неё своих проблем хватало. Ей нельзя было волноваться. Врач сказал: покой, никаких стрессов. А какой покой, когда сын рассказывает, что его унизили при всём университете?

Мама вздохнула, погладила его по голове, как в детстве.

— Ты у меня сильный, Рома. Всё выдержишь. Я в тебя верю.

— Спасибо, мам. Иди спать. Я скоро.

Она постояла ещё минуту, потом тихо вышла, прикрыв дверь. Роман проводил её взглядом и снова уткнулся в бумаги.

В комнате пахло старой бумагой, пылью и усталостью. За окном редкие поезда простукивали колёсами по рельсам, где-то лаяла собака. Тикали настенные часы, отсчитывая секунды его жизни, уходящей на бесконечную учёбу и работу.

Роман перевернул очередной лист и вывел заголовок новой темы. Рука ныла, глаза слипались, но он не мог остановиться. Если он не сдаст эту работу, у него будут проблемы. Если у него будут проблемы, он не получит стипендию. Если не получит стипендию, маме не на что будет покупать лекарства.

Замкнутый круг. Клетка. Только не золотая, как у той девчонки, а железная, ржавая, из которой не вырваться.

Он вспомнил её лицо. Красивое, растерянное, когда она стояла над ним с кофе. А потом — холодное, когда она уходила к своим «Музам», даже не обернувшись.

— Саднит? — прошептал он сам себе, прислушиваясь к противному чувству под ложечкой. — Ну и пусть. Зато я теперь знаю, что они из себя представляют. Все одинаковые. Красивые куклы с холодными сердцами. И мне плевать.

Но внутри предательски ныло. Потому что он помнил другую её. С мокрыми ресницами. Которая сказала «спасибо» и улыбнулась так, будто он подарил ей весь мир.

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. Хватит. Нужно работать.

И снова заскрипела ручка по бумаге, выводя бесконечные формулы, законы, теоремы. Ночь тянулась бесконечно, но он должен был успеть...

Утро встретило его серым небом и мелкой моросью. Роман почти не спал — задремал на час, уронив голову на конспекты, и проснулся с одеревеневшей шеей и красными глазами. Но конспекты были дописаны. Можно сдавать.

Он вышел из дома, на ходу жуя бутерброд, который сунула ему мама, и зашагал к остановке. Сегодня автобус пришёл быстрее, даже удалось сесть. Роман дремал всю дорогу, привалившись к холодному стеклу, и очнулся только у университета.

Денис уже ждал его у входа, опираясь на свой выдавший виды велосипед. Увидев друга, он присвистнул:

— О, явился! Слушай, ты чего такой? Как зомби из «Ходячих мертвецов». Не спал, что ли?

— Конспекты переписывал, — Роман зевнул, прикрывая рот ладонью.

— А, эти... — Денис помрачнел. — Слушай, ты вчера после того кофе слинял, а я тут подумал... Может, ну её? Эту мажорку? Не связывайся с ними. Они все одинаковые.

— Я и не собираюсь, — Роман пожал плечами, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — Мне плевать на неё.

— Врёшь, — Денис прищурился. — Я же вижу. Но правильно, забей. У нас своя жизнь, у них — своя. И никогда эти рельсы не пересекутся.

— Не пересекутся, — согласился Роман.

Из-за угла выбежала Лера, запыхавшаяся, с раскрасневшимися от быстрого бега щеками. В руках она сжимала какой-то свёрток.

— Ром, ты как? — она подлетела к нему, заглядывая в глаза с такой тревогой, что Роме стало неловко. — Я тебе бутерброд принесла. С колбасой. Домашней.

Она протянула ему свёрток. Роман взял, чувствуя тепло её рук.

— Спасибо, Лер. А ты чего так бежала?

— Да так... — она опустила глаза, пряча улыбку. — Боялась опоздать. Думала, ты уже здесь, а я не успею.

Денис перевёл взгляд с Леры на Ромео, и в его глазах мелькнуло что-то новое, доселе незнакомое. Понимание? Он быстро отвернулся, делая вид, что рассматривает велосипед.

— Пацаны! — из-за угла вылетел Макс, запыхавшийся, с растрёпанными волосами и горящими глазами. В руках он сжимал телефон. — Слышали новости? Там по новостям про маньяка — говорят, это не первый случай! Три года назад тоже была похожая история!

Все трое уставились на него.

— Откуда знаешь? — спросил Роман, нахмурившись.

— Я в инете порылся, — Макс говорил быстро, захлёбываясь собственными словами. — Форумы, всё такое. У меня программа одна есть, которая по ключевым словам ищет в архивах новостей. Так вот, три года назад нашли девушку в этом же парке. Тоже студентку. И тоже рисунок рядом был! Её портрет углём!

По спине Романа пробежал холодок. Он вспомнил тот рисунок, который видел вчера. И фигуру у магазина. Его взгляд.

— Макс, ты гений, — Денис хлопнул его по плечу, но в голосе не было радости. — Только не лезь туда, ладно? А то найдут тебя с твоей программой. Маньяку компьютерщики, наверно, тоже нужны.

— Да ну тебя, — отмахнулся Макс, но в глазах мелькнул страх.

Рома задумался. Три года назад. Та же схема. Тот же парк. Рисунки. Это не могло быть совпадением.

— Надо будет спросить у кого-нибудь в Кировке, — сказал он задумчиво. — Может, старожилы помнят что-то.

— Ром, не лезь, — Денис посерьёзnel. — Это опасно. Пусть менты разбираются.

— Менты уже три года разбираются, — усмехнулся Роман. — И где они?

Но несмотря на все события, впереди был новый день, новые лекции и старая, вьевшаяся в зубы усталость...

Элис спустилась к завтраку с тяжёлой головой. Она почти не спала эту ночь — ворочалась, смотрела в потолок, думала о Роме, о его взгляде, о том, как он смотрел на неё после того, как кофе растёкся по конспектам. Этот взгляд преследовал её даже в полудрёме, заставляя просыпаться в холодном поту.

В гостиной было светло и стерильно, как в операционной. Мать уже сидела за столом, попивая зелёный чай из тонкого фарфора и листая глянецвый журнал. Отец, как всегда, уткнулся в ноутбук, изучая деловые новости за завтраком. Идеальная картина идеальной семьи.

Элис села на своё место, положила на тарелку круассан, но есть не хотелось. Онаковыряла вилкой слоёное тесто, слушая, как отец стучит по клавиатуре.

— Я слышал, у вас там какие-то разборки с Прометееми, — вдруг произнёс он, не поднимая глаз от экрана. Голос спокойный, ровный, но в нём чувствовался металл. — Кофе на конспекты. Это правда?

Элис замерла. Откуда он знает? Карина? Артур? Кто-то из знакомых родителей, чьи дети тоже учатся на Музах? В этом мире всё становилось известно мгновенно.

— Пап, это просто глупая шутка, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ничего серьёзного.

Отец поднял глаза от ноутбука и посмотрел на неё в упор. Взгляд тяжёлый, давящий, как всегда.

— Шутка, — повторил он. — Я не об этом. Ты помнишь, кто ты? Ты моя дочь. На тебя смотрят. Люди смотрят. Ты должна держать марку. А эти... с Прометеев, — он скривился, словно слово было ругательством, — они тебе не ровня. Ты вообще должна держаться от них подальше. Не якшаться, не общаться, даже не смотреть в их сторону. Ясно?

— Я и так держусь, — Элис опустила глаза в тарелку. Внутри всё кипело от несправедливости, но спорить с отцом было бесполезно. Это значило нарваться на скандал, который мог длиться часами.

— Вот и молодец, — отец снова уткнулся в ноутбук, давая понять, что разговор окончен. Мать, наблюдавшая за этой сценой с холодным любопытством, вмешалась:

— Элис, Артур вчера спрашивал про тебя. Он такой внимательный. Ты бы хоть улыбнулась ему на ужине, а не сидела с каменным лицом.

— Я улыбалась, — буркнула Элис.

— Ты кривилась, — отрезала мать. — Я не понимаю, что с тобой происходит. У тебя есть всё. Дом, машина, будущее, прекрасный молодой человек, который тебя обожает. А ты ходишь как в воду опущенная. Что ещё тебе нужно?

Элис промолчала. Она смотрела в окно на идеально подстриженный газон, на фонтан, на охрану у ворот. За этим окном был другой мир. Мир, где люди просыпаются не от мягкого покашливания горничной, а от дребезжания старого будильника. Где завтракают не круассанами, а вчерашним супом. Где улыбаются просто так, а не потому что надо держать марку.

«У меня есть всё, — подумала она горько. — Кроме права быть собой. Интересно, он там, этот парень с конспектами, он тоже живёт с родителями, которые решают за него? Или у них всё по-другому?»

Она вспомнила его лицо. Уставшее, но такое живое. Его улыбку, когда он смотрел на котят. И его взгляд после кофе — холодный, уничтожающий. Она бы хотела никогда не видеть этого взгляда. Но он врезался в память, как тот рисунок — в асфальт.

— Я поела, можно идти? — спросила она, вставая из-за стола.

— Иди, — махнула рукой мать. — Артур заедет через полчаса. Будь готова.

Элис кивнула и вышла из гостиной, чувствуя спиной их взгляды. Два хищника, выросшие её для охоты в большом мире. Только она не хотела быть хищником. Она вообще не знала, кем хочет быть.

Ресторан Артура «Верха» находился в самом центре города, на первом этаже бизнес-центра. Место было пафосное, но стильное: дизайнерский интерьер, приглушённый свет, дорогая посуда, вышколенные официанты. На стенах висели картины современных художников — Артур спонсировал галерею и любил совмещать приятное с полезным.

— Нравится? — Артур обвёл рукой зал, когда они вошли. — Это моя гордость. Самый концептуальный ресторан в городе. Скоро здесь будет выставка молодых талантов. Я договорился с галереей.

— Красиво, — Элис кивнула, рассматривая интерьер. Действительно было красиво. И пусто. Как и всё в её жизни.

Они сели за лучший столик у окна. Артур заказал шампанское и устриц, не спрашивая её мнения. Элис молчала, глядя, как за стеклом проплывают редкие облака.

— Кстати, — Артур вдруг посмотрел на неё с интересом, — твоя мама говорила, ты рисуешь? Я и не знал. Покажешь?

Элис вздрогнула. Рисование было её тайной. Тем, что принадлежало только ей. Она никогда никому не показывала свои наброски — боялась, что осудят, не поймут, раскритикуют.

— Балуюсь просто, — ответила она уклончиво. — Так, для себя.

— Покажи, — Артур настаивал с улыбкой. — Я в этом разбираюсь. У меня галерея, я художников знаю. Может, у тебя талант.

— Нет, — отрезала Элис жёстче, чем следовало. — Это личное.

Артур удивлённо поднял брови, но спорить не стал. Вместо этого он сменил тему, переключившись на более важное:

— Слушай, у меня к тебе предложение. Давай я буду тебя сопровождать в универ. С этими убийствами, сама понимаешь, беспокойно. А у меня водитель, охрана, связи. Я буду спокоен, что ты в безопасности.

— У меня есть водитель, — напомнила Элис.

— Но я буду спокойнее, — Артур накрыл её руку своей ладонью. Жест собственника, а не забота. — Ты для меня важна, Элис. Очень важна. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Элис посмотрела на его руку, потом в глаза. Красивые, уверенные, но пустые. Он говорил правильные слова, но за ними не было ничего. Только привычка получать то, что хочешь.

— Хорошо, — кивнула она, чтобы он отстал. — Пусть будет так.

Артур удовлетворённо улыбнулся и подозвал официанта, чтобы сделать заказ. Элис снова уставилась в окно.

Вдруг её взгляд упал на стену, где висела серия портретов. Один из них привлёк внимание — девушка, очень реалистично, почти фотографично нарисованная. В рисунке было что-то завораживающее и одновременно жуткое. Глаза девушки смотрели прямо на зрителя, но в них не было жизни.

— Кто автор? — спросила Элис, кивая на портрет.

Артур проследил за её взглядом и равнодушно пожал плечами:

— А, какой-то непризнанный гений. Выгнали из Академии художеств пару лет назад. Говорят, был талантлив, но с головой не дружил. Теперь, говорят, работает на какой-то невзрачной работе. Ирония судьбы.

Элис смотрела на портрет, и внутри неё шевельнулось странное чувство. Что-то неуловимо знакомое было в этих линиях, в этой манере рисовать. Она не могла понять, что именно, но взгляд не отрывался от рисунка.

— Можно посмотреть поближе? — спросила она.

— Конечно, — Артур махнул рукой. — Хоть сейчас. Там галерея при ресторане, вход свободный.

Элис встала и подошла к портрету. Теперь, вблизи, он производил ещё более сильное впечатление. Каждая линия была выверена, каждая тень — на своём месте. Художник явно знал своё дело. Но в глазах девушки на портрете было что-то такое... обречённое? Застывшее? Как будто она знала, что её ждёт.

— Странно, — прошептала Элис. — Очень странно.

— Что странного? — Артур подошёл сзади. — Обычный портрет. Талантливо, но мрачновато. Не люблю такое.

— Я, наверное, тоже, — Элис отвернулась и пошла обратно к столику. Но образ девушки с мёртвыми глазами теперь преследовал её...

После обеда Элис заехала в университет, чтобы забрать какие-то методички. В холле крыла «Муз» было шумно — студенты собирались группами, обсуждали новости, сплетничали, смеялись.

Карина стояла в центре компании, как всегда, в эпицентре внимания. Увидев Элис, она помахала рукой:

— Элис, иди к нам!

Элис подошла, встала рядом. Карина тут же продолжила прерванный разговор:

— ...и представляете, эта Прометеевская, говорят, вообще из детдома. А туда же, на битву лезет. Смех, да и только.

Девушки захихикали. Света стояла чуть поодаль, молчаливая, с опущенными глазами. Элис поймала её взгляд — в нём читалась тоска и желание провалиться сквозь землю.

— Ты видела её лицо после того кофе? — Карина вдруг переключилась на Элис. — Элис, ты чего раскисла? Это же просто нищерброд. Подумаешь, конспекты. Новые напишет.

— Да, конечно, — ответила Элис.

Света вдруг подняла глаза и тихо, но твёрдо сказала:

— Может, не надо было?

Все замолчали, уставившись на неё. Карина прищурилась:

— А ты вообще молчи, Света. Ты вечно за всех переживаешь. Иди, порисуй свои картинки, а мы тут о взрослых делах говорим.

Света опустила глаза и отошла к окну. Элис смотрела на неё и чувствовала укол совести. Света была единственной, кто пытался её защитить. Хотя бы словом. А она даже не заступилась.

— Ладно, мне пора, — сказала Элис, отворачиваясь. — Увидимся завтра.

Она вышла из холла, сжимая в руках методички. В голове был полный хаос. Роман, его взгляд, портрет в галерее, Света с её тихим протестом, Карина с её жестокостью. Все эти куски не складывались в цельную картину, но одно она знала точно: прежней жизни больше не будет. Что-то изменилось. И это «что-то» пугало её до дрожи...

Курьерский пункт располагался в подвальном помещении жилого дома на окраине Кировки. Роман спустился по обшарпанным ступеням, толкнул тяжёлую металлическую дверь и вошёл в прокуренное помещение, пропахшее потом, дешёвым кофе и бензином.

Внутри было шумно — пару человек в такой же форме, как у него, толпились у стойки, получая заказы, переругиваясь, смеясь над своими собственными шутками. Над стойкой же висело табло с адресами и срочностью доставки.

Парень подошёл к диспетчеру — полной женщине лет пятидесяти с вечно недовольным лицом и сигаретой в углу рта.

— Роман значит. — она даже не подняла на него глаза, ткнув пальцем в экран. — Держи заказ. Доставка в элитный коттеджный посёлок на набережной. Срочно, оплата повышенная.

Рома замер. Набережная. Тот самый район, где живут они. Где живёт она.

— Может, кто-то другой? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я тут... не очень себя чувствую.

— Ты один, — диспетчер наконец подняла на него глаза и усмехнулась. — Бери давай. Время идёт. Или денег не надо?

Надо. Очень надо. Роман сглотнул, взял со стойки коробку с заказом и вышел на улицу.

Осенний дождь хлестал по лицу, затекал за воротник куртки. Роман прижал коробку к груди, пытаясь защититься от влаги, и пошёл к стоянке, где был припаркован его старый велосипед.

«Только не это, — думал он, пристёгивая коробку к багажнику резиновыми жгутами. — Только не туда. Ладно, прорвёмся. Просто оставлю у ворот и уеду. Она меня даже не увидит».

Но внутри уже поселился холод. Предчувствие чего-то нехорошего...

Дорога до элитного посёлка заняла сорок минут. Роман крутил педали под проливным дождём, промокший до нитки, замёрзший, злой. Куртка насквозь промокла и не грела, вода хлопала в ботинках при каждом нажатии на педаль. Но он ехал. Потому что надо. Потому что деньги важнее.

Посёлок встретил его высоким кованым забором, будками охраны и камерами видеонаблюдения на каждом столбе. Роман подъехал к воротам, слез с велосипеда и нажал кнопку домофона на столбе.

— Кто? — раздался из динамика грубый мужской голос.

— Доставка. Для Элис, — ответил Рома, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Жди.

Динамик отключился. Роман стоял под дождём, прижимая к себе коробку, и ждал. Минута. Две. Пять. Дождь усиливался, вода стекала по лицу, заливалась за шиворот. Он дрожал от холода, но продолжал стоять.

Наконец ворота приоткрылись, и из них вышел охранник в тёмной униформе — здоровенный мужик с равнодушным лицом.

— Давай сюда, — он протянул руку к коробке. — Оставь у ворот.

— Но нужна подпись, — пытаясь возразить ответил Рома. — В заказе указано, что получатель должен расписаться.

— Я сказал, оставь, — охранник нахмурился. — И вали отсюда. Нечего тут мокнуть.

Он выхватил коробку из рук Романа, поставил на асфальт у ворот и захлопнул калитку прямо перед его носом.

Парень стоял, глядя на закрытые ворота, и чувствовал, как внутри закипает злость. Не на охранника — на него плевать. На этот мир, где для таких, как он, даже порога не переступить.

Он уже собирался уходить, но вдруг его взгляд упал на большое панорамное окно в одном из особняков, видневшемся за забором. Окно светилось тёплым светом, и в нём была видна гостиная. А в гостиной...

Рома замер.

В гостиной, на фоне огромной сверкающей ёлки, хотя до Нового года было ещё далеко, стояла ОНА. Элис. Рядом с ней Карина и ещё несколько девушек. Они смеялись, о чём-то оживлённо разговаривали, жестикулировали. Элис что-то рассказывала, улыбалась, и казалась такой счастливой, такой беззаботной, такой... далёкой.

Она была в тепле. В уюте. В своём мире. И даже не подозревала, что он стоит здесь, под проливным дождём, промокший до нитки, с мокрым велосипедом, и смотрит на неё сквозь кованую решётку.

Роман смотрел на неё, и дождь тёк по лицу, смешиваясь с чем-то ещё, что предательски защипало в глазах. Он не плакал, нет. Это просто леденящий душу дождь.

Парень развернулся, сел на велосипед и поехал прочь, даже не обернувшись. Колёса шлёпали по лужам, разбрызгивая грязную воду. Дождь хлестал по лицу, но он уже ничего не чувствовал. Ни холода, ни боли, ни обиды. Только пустоту.

Кировка встретила его привычными серыми пейзажами, гаражами, облезлыми домами. Роман свернул в переулок, где стояли ряды железных гаражей, и остановился. Слез с велосипеда, прислонил его к стене и сел на перевернутый ящик, сжимая голову руками.

Дождь всё лил, но ему было всё равно. Холод пробирал до костей, но он не чувствовал. Перед глазами всё ещё стояла та картина: тёплый свет, смеющиеся девушки, она — счастливая, беззаботная, далёкая.

Из-за угла вышел пожилой мужчина в промасленной спецовке, с тряпкой в руках. Дядя Коля, местный, вечно копался в своих «жигулях», чинил, перебирал, давал советы.

— Чего, Ромка, случилось? — спросил он, подходя ближе и вглядываясь в его лицо. — На тебе лица нет. Промок-то как, заболеешь ведь.

— Да так, дядь Коля, — Роман поднял голову, попытался улыбнуться. — Жизнь.

— Жизнь — она такая, — дядя Коля вздохнул, садясь рядом на другой ящик, не обращая внимания на дождь. — То взлёт, то пи... Ну ничего. Ты парень крепкий, я знаю. Справишься. И не из таких переделок выходили.

Роман молчал, глядя в одну точку. Дядя Коля посидел рядом, потом спросил, меняя тему:

— Слышал, у нас в парке опять девушку нашли? Говорят, маньяк объявился. Ты осторожнее там, ночью не шастай.

Роман вздрогнул, вспомнив рисунок и фигуру у магазина.

— Дядь Коля, — спросил он, — А вы не помните, три года назад тут тоже кого-то убили? В том же парке?

Дядя Коля почесав затылок, — задумался.

— Было дело, — кивнул он наконец. — Девчонка. С нашего района. Художница, говорят, была талантливая. Рисовала всё время, ходила с альбомом, этюдник таскала. А потом исчезла. Нашли в парке через несколько дней.

— А как её звали? — Роман подался вперёд.

— Да я уж и не помню, — дядя Коля наморщил лоб. — Аня, кажется... Да, Аня. Тихая такая, никого не трогала. Всегда с альбомом. А тебе зачем?

— Так, — Роман отвёл взгляд. — Интересно просто. Спасибо, дядь Коля.

— Смотри, не вляпайся во что, — предупредил старик, вставая. — Иди домой, просушись. Мать, поди, волнуется.

Роман кивнул, но не двинулся с места. Он смотрел на серое небо, на потоки дождя, и думал. Аня. Художница. Убита три года назад. Теперь новая девушка. Тот же парк. Рисунки. Это не совпадение.

Он вспомнил рисунок, который видел в парке. Портрет с искажённым ужасом лицом. И фигуру у магазина.

— Кто ты? — прошептал он в пустоту. — Что тебе нужно?

Дождь не отвечал. Только хлестал по лицу, смывая остатки тепла и надежды.

Денис был из тех, кто ненавидел дождь. Когда ты курьер на велике, дождь — это не просто погода, это личный враг, который делает твою работу невыносимой. Мокрый, холодный, злой, ты крутишь педали под потоками воды, которая заливается за шиворот, в ботинки, в глаза, в самую душу.

Денис подъехал к высотке из стекла и бетона, прислонил велосипед к столбу и нажал кнопку домофона. Руки были красными от холода и почти не слушались.

— Доставка, заказ номер четыреста сорок пять, — прохрипел он в динамик.

— Наконец-то! — взвизгнул женский голос. — Я вас уже час жду! У меня экспресс-доставка была!

— Дождь, пробки, — начал оправдываться Денис, но его уже не слушали.

— Третий этаж, дверь направо! Быстро!

Дверь щёлкнула, открываясь. Денис поднялся на лифте — чистом, зеркальном, пахнущем дорогими духами жильцов. На третьем же этаже он вышел и позвонил в дверь направо.

Дверь распахнулась. На пороге стояла девушка. Яркая, ухоженная, в шёлковом халате, на лице — зелёная маска, за которой торчали только глаза и рот. На голове — тюрбан из полотенца. Руки с идеальным маникюром, ногти длинные, красные, с какими-то стразами, упёрлись в бока.

— Вы вообще охренели?! — заорала она, и Денис даже отшатнулся. — Я заплатила за экспресс-доставку! Я на вас жалобу напишу! Где моя сумка?!

Денис молча протянул ей коробку, замотанную в полиэтилен, — догадался защитить от дождя. Девушка выхватила её, осмотрела со всех сторон, проверяя, не намочила ли.

— Держите вашу сумку, принцесса, — буркнул Денис, чувствуя, как внутри закипает злость. Ну вот почему они все такие? Почему не могут просто сказать «спасибо», а обязательно надо унижить?

— Что? — девушка замерла, уставившись на него сквозь прорези в маске. — Как ты меня назвал?!

— Принцессой, — Денис усмехнулся, хотя внутри всё кипело. — В смысле — капризной особой, которая не видит дальше своего идеального маникюра.

— Ты... ты... хам! — она аж начала задыхаться от возмущения. — Ты вообще знаешь, сколько эта сумка стоит?! Ты на неё год работать будешь!

— Буду, — Денис пожал плечами. — Счастлива?

Она открыла рот, собираясь выдать новую тираду, но слов не нашлось. Только смотрела на него в упор, и даже сквозь зелёную маску было видно, как она краснеет от злости.

Денис развернулся и пошёл к лифту, чувствуя спиной её взгляд. Нажал кнопку, дождался, пока двери откроются, и скрылся в кабине, так и не обернувшись.

Карина влетела в квартиру, швырнула коробку на диван и заметалась по комнате, как разъярённая тигрица.

— Хам! Нищоброд! Курьер вонючий! — бормотала она, срывая с лица маску и швыряя её в мусорку. — Принцессой меня назвал! Да как он посмел!

Она налила себе воды, выпила залпом, но злость не проходила. Этот парень с мокрыми волосами, в дешёвой униформе, с красными от холода руками — посмел так с ней разговаривать! С ней! Дочерью владельца строительной компании!

— Принцесса... — передразнила она его, расхаживая по комнате. — Сам ты...

Она подошла к окну, чтобы успокоиться, посмотреть на город, на огни, на дождь. И вдруг замерла.

Внизу, у подъезда, стоял тот самый курьер. Он не уехал — стоял рядом со своим старым облезлым велосипедом и пытался что-то починить. Цепь соскочила, что ли. Курьер возился с ней голыми руками, дышал на пальцы, пытаясь согреть, и было видно, как он замёрз, как устал.

Дождь хлестал по нему, ветер трепал мокрую куртку, а он стоял и чинил свой дурацкий велик, потому что без него — никак. Потому что на метро денег нет. Потому что работа такая.

Карина застыла, глядя на него сверху. Внутри вдруг что-то ёкнуло. Совсем не то, что она ожидала.

«Он же замёрзнет, — подумала она вдруг. — Он же совсем замёрзнет там, под дождём. И это я на него орала. А он просто работает... Господи, о чём я думаю?»

Она хотела выйти. Позвать его, дать зонт, предложить чай, извиниться, в конце концов, но не могла. Она была в халате, с мокрой головой, без макияжа. Неудобно. Стыдно. Глупо.

Пока она колебалась, Денис наконец справился с цепью, вытер руки о мокрые штаны, сел на велосипед и поехал прочь, исчезая в пелене дождя.

Карина смотрела ему вслед, и внутри её груди что-то ёкнуло. Новое чувство, незнакомое, пугающее.

— Чёрт, — прошептала она, отворачиваясь от окна. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Она злилась. На него? На себя? На этот дурацкий мир, где всё так сложно и непонятно?

Она не знала этого, но одно знала точно: этого парня она теперь не забудет. И не потому, что он хам. А потому что он был настоящий. А настоящего в её жизни почти не осталось...

Вечером Элис сидела в своей комнате, делая вид, что читает книгу. На самом деле же она просто смотрела в одну точку, перебирая в голове события последних дней. Котята. Роман. Кофе. Его взгляд. Портрет в галерее. Дождь за окном. Всё смешалось в какой-то липкий, тревожный комок, от которого хотелось избавиться, но никак не получалось.

В дверь постучали. Вошёл отец. Без стука, как всегда, но хотя бы постучал для приличия.

— Элис, есть разговор, — сказал он, проходя в комнату и останавливаясь у окна.

Элис отложила книгу, готовясь к очередной нотации.

— Мы с матерью приняли решение, — отец говорил спокойно, но в голосе чувствовалась сталь. — С завтрашнего дня с тобой будет ездить новый водитель. Не Артур, а профессиональный водитель и телохранитель. Будет возить тебя в университет и обратно, встречать после занятий, сопровождать везде, куда нужно.

— Пап, это перебор! — Элис вскочила с кровати. — Я не маленькая! У меня есть Артур, есть Карина, есть водитель, который и так меня возит!

— Тот водитель уволен, — отрезал отец. — Слишком много вольностей себе позволял. А эти убийства... — он поморщился. — Пока не поймут маньяка, ты будешь под круглосуточной охраной. Это не обсуждается.

— Но пап...

— Я сказал, не обсуждается! — отец повысил голос, и Элис замолчала. — Ты моя дочь. Моя единственная дочь. Если с тобой что-то случится, я себе не прощу. Поэтому будет так, как я решил. Завтра утром Николай заедет за тобой. Он профессионал, бывший военный, надёжный человек. Будешь слушаться его беспрекословно.

Он развернулся и вышел, даже не взглянув на неё. Девушка осталась стоять посреди комнаты, чувствуя, как сжимается сердце.

Она посмотрела на мать, которая всё это время молча стояла в дверях. Та отвела глаза.

— Мам...

— Не спорь с отцом, Элис, — тихо сказала мать. — Он прав. Так будет лучше.

И вышла, прикрыв за собой дверь.

Элис рухнула на кровать и усталилась в потолок. Золотая клетка захлопывалась. Сначала водитель, жених по выбору родителей, потом жизнь, которую она не выбирала. И ни шагу в сторону. Никакой свободы. Никакого права быть самой собой.

«Интересно, — подумала она, глядя на игру теней на потолке, — я когда-нибудь смогу сама решать, как мне жить? Или так и останусь куклой в этом идеальном доме?»

Ответа не было. Только тишина и шум дождя за окном...

Роман возвращался домой поздно вечером. Дождь наконец прекратился, но ветер остался — холодный, пронизывающий, заставляющий глубже зарываться в мокрую куртку.

Он шёл по знакомым улицам Кировки, мимо гаражей, мимо облезлых пятиэтажек, мимо редких прохожих, спешащих по домам. Мысли путались, перескакивали с одного на другое.

Мама, деньги, Элис, маньяк, рисунок, фигура у магазина. Всё смешалось в голове в какой-то кошмарный винегрет.

У самого подъезда он вдруг замер.

На асфальте, прямо у входа, лежал рисунок. Уголь. Портрет девушки.

Роман наклонился, рассматривая. Девушка была незнакомой, но что-то в её лице показалось ему знакомым. Черты, выражение, может быть, глаза. Он всмотрелся внимательнее и вдруг понял.

Это была та самая девушка, о которой говорил дядя Коля. Художница Аня, убитая три года назад. Роман узнал её по фотографиям, которые мелькали в новостях, когда он искал информацию. Те же глаза, те же волосы, тот же овал лица.

— Твою ж... — прошептал Роман, оглядываясь по сторонам.

Улица была пуста. Только фонари мигали в своём бесконечном ритме, да ветер гонял по асфальту мокрые листья.

Роман смотрел на рисунок, и внутри рос холод. Тот же почерк. Значит, он вернулся. Тот, кто убивал три года назад, снова здесь. И он оставляет рисунки — как подпись, как автограф, как вызов.

— Зачем? — прошептал Роман. — Зачем ты это делаешь?

Рисунок молчал. Только глаза девушки смотрели на него с немим укором, застывшие в предсмертном ужасе навсегда.

В разных концах города, в разных мирах, люди не спали.

Элис сидела в своей комнате, обняв подушку, и смотрела в окно на тёмную улицу. Мысли о Романи не отпускали. О том, как он смотрел на неё после кофе. О том, как она предала его, даже не попытавшись объясниться. О том, что она, наверное, никогда не сможет это исправить.

Она достала телефон, открыла браузер и набрала в поиске: «Прометеи студенты университета». Страница загрузки. Список факультетов. Она листала, искала, но в какой-то момент палец замер над экраном.

«Что я делаю? — подумала она. — Зачем мне это? Что я ему скажу? "Прости, я дура"? Он пошлёт меня. И будет прав»

Она закрыла браузер и отбросила телефон в сторону, но образ Романа не уходил. Стоял перед глазами, как тот рисунок — яркий, жуткий, незабываемый.

Роман же сидел в своей комнате, сжимая в руках фотографию рисунка, которую успел сделать на телефон. Рядом сидели Денис и Макс — пришли проведать друга, узнав, что он опять не спал.

— Покажи мне тот рисунок, — протянув руку, сказал Макс. — Я проганю по своей программе. Может, найду что-то в интернете, совпадения, стиль, манеру. У меня есть одна программа, по ключевым словам ищет, реально.

— Только осторожно, — предупредил Роман, отдавая телефон. — Не лезь глубоко. Это опасно.

— Всегда осторожен и смотрю в оба, капитан! — Макс усмехнулся и уткнулся в экран.

Денис сидел на стуле, задумчиво глядя в окно.

— Слушай, Ромео, — сказал он вдруг. — А та девчонка, которая кофе на тебя вылила... Элис эта... Я сегодня её подругу видел. Карину. Которая с ней вечно трётся. Стерва та ещё, я тебе скажу. Я ей сумку привозил, так она на меня орала, как будто я ей жизнь испортил.

— Мне плевать, — Рома отвернулся.

— Врёшь, — усмехнувшись ответил Денис. — Я же вижу. Но дело твоё конечно.

Роман промолчал. Он смотрел в стену, на фотографию отца, и думал о своём. О маме, о деньгах, о маньяке. И о ней. Об Элис. Которая сейчас, наверное, сидит в своём особняке и даже не вспоминает о его существовании...

Карина сидела в своей квартире, закутавшись в плед, и смотрела в окно на то самое место, где несколько часов назад Денис чинил велосипед под дождём. Внутри всё бурлило от противоречивых чувств. Злость на него за хамство. Злость на себя за то, что не вышла. И ещё что-то... странное, тёплое, от чего хотелось то ли плакать, то ли смеяться.

— Дурак, — прошептала она, глядя на пустую улицу. — Какой же ты дурак.

И вдруг улыбнулась сама себе. Абсолютно не зная почему...

Света лежала в кровати в своей маленькой комнатке, которую снимала в складчину с двумя другими девушками. Рядом горел ночник, и она читала книгу — стихи, свои собственные, которые писала тайком и никому не показывала. Стихи были о свободе, о небе, о том, как хочется вырваться из этой клетки, в которую загоняла их жизнь.

Она закрыла глаза и представила, как рисует на огромной стене что-то яркое, свободное, бесконечное, и улыбнулась во сне...

Парк. Тот самый Кировский парк, где нашли девушку.

Тёмная фигура стоит у старого дерева, почти сливаясь с ночью. В руках планшетка и кусок угля.

Рисунок. На нём проступает лицо. Красивое, тонкое, с идеальными чертами. Волосы, собранные в небрежный хвост. Глаза, которые на рисунке кажутся живыми, но в них уже застывает тот самый ужас, который был на всех предыдущих портретах.

Лицо Элис.

Фигура смотря на рисунок, — подняла голову и посмотрела в сторону Набережной, туда, где за высокими заборами и охраной спит в своей золотой клетке та, кто станет следующим шедевром...

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Утро началось с того же, чем закончился вчерашний вечер — с чувства клетки. Элис спустилась к завтраку, но кусок в горло не лез. Онаковыряла вилкой круассан, слушая, как мать в сотый раз повторяет правила поведения с новым водителем.

— ...и чтобы никаких самовольных отлучек, Элис. Николай Сергеевич будет докладывать нам о каждом твоём перемещении. Это для твоей же безопасности.

— Я поняла, мам, — Элис отодвинула тарелку. — Можно идти?

Мать окинула её подозрительным взглядом, но кивнула.

У ворот особняка её уже ждал чёрный внедорожник. Другой, не тот, на котором раньше возил водитель. Рядом с машиной стоял мужчина лет пятидесяти — подтянутый, с военной выправкой, в строгом тёмном костюме. Короткая стрижка, седина на висках, внимательный, цепкий взгляд. Таким взглядом смотрят люди, которые привыкли всё контролировать.

— Доброе утро, Элис Викторовна, — он открыл перед ней заднюю дверь и слегка склонил голову. — Я Николай Сергеевич. Отец нанял меня для вашего сопровождения. Будем работать вместе.

— Здравствуйте, — Элис попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. — Можно просто Элис. Без отчества.

— Как скажете, — кивнул он, но по его лицу было видно, что для него она навсегда останется Элис Викторовной. — Прощу.

Она села в машину. Салон пах кожей и чистотой, двигатель работал бесшумно, тонированные стёкла скрывали от внешнего мира. Девушка смотрела в окно на проплывающие мимо улицы и чувствовала себя заключённой, которую везут на прогулку под конвоем.

«Золотая клетка теперь на колёсах, — подумала она горько. — Интересно, он знает, что я чувствую? Наверное, ему всё равно. Он просто делает свою работу. Как и все в этом проклятом доме»...

Внедорожник припарковался на гостевой стоянке у корпуса «Муз». Элис вышла, чувствуя на себе любопытные взгляды студентов. Новая машина, новый водитель — это всегда тема для сплетен.

— Элис! — Карина выпорхнула из своего ярко-красного спорткара, припаркованного неподалёку. — Ты видела? У тебя теперь новый водитель! Круто! А мой отец сказал, что я сама справлюсь. Типа не маленькая уже, — она закатила глаза. — Хотя сама знаешь, какие у нас родители.

— Карин, это не круто, — покачав головой, ответила Элис. — Это клетка.

— Ой, ты вечно драматизируешь, — Карина махнула рукой и вдруг замерла, глядя куда-то в сторону старого корпуса. — Смотри, кто идёт!

Элис обернулась. Из-за угла старого облезлого здания показались две знакомые фигуры. Роман и тот самый лохматый парень, Денис. Они направлялись ко входу, о чём-то разговаривая.

Роман шёл, глядя под ноги, и, кажется, не замечая ничего вокруг. Но в какой-то момент он поднял голову и их взгляды встретились.

Элис замерла. Сердце пропустило удар. Она смотрела в его глаза — тёмные, усталые, и в них не было ничего. Ни злости, ни обиды, ни боли. Только пустота. Холодная, равнодушная пустота, которая была хуже любой ненависти.

Он смотрел на неё ровно секунду. Потом перевёл взгляд на Карину, скользнул по ней и снова уткнулся в землю, продолжая идти к своему корпусу.

«Он смотрит на меня с ненавистью? — подумала Элис. — Нет. Хуже. Он смотрит на меня как на пустое место. Как будто меня не существует. И я бы тоже ненавидела, если бы была на его месте»

Карина, не заметившая этого молчаливого диалога, громко, чтобы Роман слышал, сказала:

— Элис, смотри, нищелюды выползли. Интересно, они вообще завтракают или только воздухом питаются? Вон тот, — она кивнула на Романа. — Как он тебе? Жалкое зрелище, правда?

Роман сжал кулаки, но даже не повернул головы. Денис дёрнул его за рукав:

— Не ведись. Они того не стоят.

— Я знаю, — тихо ответил Роман и скрылся за дверью старого корпуса.

Элис смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри разливается что-то мерзкое, липкое. Она хотела провалиться сквозь землю. Хотела догнать его и сказать... что? Что она не такая? Что ей жаль? Что она каждую ночь думает о том, что произошло?

Но она стояла на месте. Потому что Карина уже тащила её в корпус, щебеча о каких-то пустяках. Потому что мать ждала отчёта от водителя. Потому что клетка была не только дома, но и в голове.

Роман вошёл в старый корпус и прислонился спиной к стене в коридоре. Закрыв глаза на секунду, пытаясь успокоиться.

— Ромео, ты чего? — Денис обеспокоенно заглядывал ему в лицо. — Из-за этой стервы? Забей, я же говорю.

— Я забил, — открыв глаза, сказал Рома. — Просто... смотреть на неё тошно.

— А я тебе что говорил? Все они одинаковые, — Денис хлопнул его по плечу. — Пошли, а то опоздаем.

Они пошли по коридору, но Роман всё думал о ней. О том, как она смотрела на него. В её глазах было что-то... не только пустота. Там было ещё кое-что, чего он не хотел замечать. Боль? Раскаяние? Что именно?

— Не думай о ней, — приказал он себе. — Она из другого мира. И никогда ваши пути больше не пересекутся.

Но судьба, как известно, любит посмеяться над такими самоуверенными заявлениями.

А Элис в это время шла по мраморным полам своего корпуса и думала о нём. О том, как он сжал кулаки, услышав слова Карины, но промолчал. О том, какой у него был взгляд — не злой, а усталый, будто он уже всё про неё понял и поставил крест.

— Элис, ты с нами? — Карина дёрнула её за руку.

— Да, конечно, — автоматически ответила она, но мысли были далеко.

Там, в старом облезлом корпусе, где учились те, кто не должен был для неё существовать, но существовал. И с каждым днём занимал в её мыслях всё больше места...

Элис ненавидела библиотеку «Муз». Слишком стерильная, слишком правильная, слишком... мёртвая. Книги в идеальных переплётах, которые никто никогда не читает, потому что всё есть в электронном виде. Тишина, которую нарушает только шелест дорогой одежды и редкое покашливание.

Сегодня ей нужно было найти материалы для доклада по истории искусств. Можно было, конечно, скачать всё из сети, но профессор требовал «живых источников», и Элис пришлось тащиться сюда.

Она бродила между стеллажами, водя пальцем по корешкам, но мысли были далеко. Вчерашняя встреча у корпуса не выходила из головы. Взгляд Романа — пустой, равнодушный, вычеркивающий её из жизни. Как будто она была пустым местом.

— Ты сама виновата, — прошептала она себе под нос. — Сама всё испортила.

Она свернула в дальний отдел, где хранились старые фолианты по искусству, и вдруг замерла.

За дальним столом, уткнувшись в книгу, сидел Роман.

Перед ним лежала стопка книг, конспекты, и он что-то писал, низко склонив голову, полностью погружённый в работу. Он не замечал ничего вокруг.

Элис застыла на месте, не зная, что делать. Подойти? Уйти? Сердце колотилось где-то в горле, руки вспотели. Она понимала, что это, возможно, единственный шанс поговорить с ним наедине, без свидетелей, без Карины, без Дениса, без всего этого дурацкого разделения на «Муз» и «Прометеев».

Она сделала глубокий вдох и шагнула вперёд.

— Привет.

Голос прозвучал глухо, почти жалко. Роман поднял голову. Увидел её. В его же глазах снова не было ничего. Только лёд.

— Привет, — ответил он ровно, без эмоций.

Элис подошла ближе, остановилась напротив, но не села. Стояла, переминаясь с ноги на ногу, как провинившаяся школьница.

— Я... я хотела извиниться. За тот случай с кофе. Это было глупо. Очень глупо. Я не знаю, что на меня нашло.

— Было, — кивнул он, возвращаясь к конспекту. — Ты уже извинялась.

— Я знаю, но мне правда стыдно. Я не хотела. Просто так вышло. Давление... Карина... они все... — она замолчала, понимая, что оправдания звучат очень жалко.

Роман снова поднял на неё глаза. Долго смотрел, изучая. Потом отложил ручку.

— Всегда есть выбор, — сказал он тихо. — Ты его сделала. И мне очень жаль, что ты его сделала именно так.

Элис молчала, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. Он был прав. Во всём прав. А она была дурой, которая повелась на стадный инстинкт.

— Ты прав, — выдавила она наконец. — Я его сделала. И мне очень, очень стыдно.

Роман смотрел на неё долго. Очень долго. Элис видела, как в его глазах что-то меняется, сдвигается, тает. Но потом он закрылся снова.

— Спасибо за извинения, — сказал он, вставая и собирая книги. — Но это ничего не меняет. Ты там, я здесь. Так было, так есть и так будет.

— Ро...

— Извини, мне надо на лекцию. — перебив, ответил Роман.

Он обошёл её, даже не взглянув, и направился к выходу. Девушка смотрела ему вслед, чувствуя, как по щеке скатывается предательская слеза.

— Так и должно быть, — прошептала она, вытирая лицо. — Так и должно быть... Но почему мне так больно?

Ответа не было. Только тишина библиотеки и запах старых книг, равнодушных к человеческим драмам...

За всем этим из-за соседнего стеллажа наблюдали двое. Лера пришла в библиотеку за учебниками, а Света — спрятаться от Карины и её компании, которая сегодня была особенно невыносима.

Они столкнулись у стеллажа с художественной литературой и замерли, разглядывая друг друга.

— Ты та самая подруга Элис? — спросила Лера, взглядываясь в Свету. Та смутилась, опустила глаза.

— Да. А ты та самая подруга Романа?

— Ага. Лера.

— Света.

Они помолчали, наблюдая, как Рома выходит из библиотеки, а Элис остаётся стоять у стола, вытирая слёзы.

— Ты видела, что он ей сделал? — спросила Света тихо.

— А ты видела, что она ему сделала? — парировала Лера. — Нечего было кофе лить на чужие конспекты. Сама виновата.

— Она не хотела, — Света неожиданно вступилась за подругу. — Карина заставила. Вы бы знали, как там у нас... Если ты не такая, как все, тебя сожрут. Элис просто... она просто хочет быть своей. А у неё не очень получается.

Лера посмотрела на неё внимательнее. В этой тихой, забитой девушке чувствовалась какая-то внутренняя сила. Или, по крайней мере, желание защитить того, кто дорог.

— А какая она? — спросила Лера. — Элис эта? В смысле, на самом деле?

Света задумалась, подбирая слова.

— Не знаю, — призналась она наконец. — Она сама не знает. Она ищет себя. Только в нашем мире это сложно. Особенно если у тебя такие родители, как у неё.

Лера вздохнула. Разговор получался странным. Они были из разных лагерей, но сейчас, здесь, в тишине библиотеки, это не имело значения.

— Ладно, — сказала она. — Бывай, Света. Может, ещё увидимся.

— Увидимся, — кивнула та.

Они разошлись, но каждая унесла с собой мысль о другой. Ни дружбы, ни вражды. Пока просто нейтралитет. Но в мире, где все делится на своих и чужих, даже нейтралитет — это уже много...

Макс сидел в столовой «Прометеев» один, уплетая пирожок с картошкой и читая что-то в телефоне. Денис уехал на доставку, Роман был в библиотеке, Лера куда-то запропастилась. Он наслаждался редким моментом одиночества и возможностью поесть спокойно.

— Привет. Скучаешь?

Макс поднял голову и чуть не поперхнулся. Рядом с ним стояла девушка. Незнакомая, но явно с «Муз» — дорогая, но простая одежда, цепкий, немного злой взгляд, короткая стрижка. Не такая холёная, как Карина, но и не серая мышь, как Света.

— А? — выдавил Макс, прожевывая пирожок. — Привет. Я... нет, просто ем.

— Вижу, — девушка усмехнулась и без приглашения села напротив. — Я Женя. С «Муз». Но я не такая, как они.

Макс смотрел на неё с подозрением. Слишком уж дружелюбно для «мажорки». Обычно они даже не смотрят в сторону Прометеев, не то что подсаживаются за столик.

— А какая? — спросил он, откладывая недоеденный пирожок.

— Я знаю, каково это, когда на тебя смотрят свысока, — Женя говорила тихо, но в голосе чувствовалась горечь. — Мои родители небогатые. Меня взяли по блату, но свои же нос воруют. Тощая, говорят, одежда дешёвая... Думаешь, легко?

Макс почувствовал, как его недоверие тает. Он знал, что такое быть белой вороной. В их мире Прометеев это было нормой, но услышать такое от девушки с «Муз»... было неожиданно.

— Наверное, нет, — согласился он.

— А ты? — Женя подалась вперёд, заглядывая ему в глаза. — Тоже небогатый?

— Ну... да, — Макс пожал плечами. — Но мне норм. У меня друзья хорошие. Роман, Денис, Лера... Мы друг за друга горой.

— Друзья — это хорошо, — Женя улыбнулась, и в улыбке этой было что-то... кошачье. — А девушка есть?

Макс покраснел до корней волос.

— Не... не до того.

— А хочешь? — Женя прищурилась. — Я могу познакомить с кем-нибудь. У нас на «Музах» есть девочки, которые... ну, не все такие стервы, как Карина. Некоторые ищут нормальных парней. Не за деньги, а за душу.

— Я... не знаю, — Макс совсем смутился. Никогда ещё с ним так не разговаривала девушка. Тем более такая... интересная.

— Держись меня, Макс, — Женя вдруг коснулась его руки, и у него по спине побежали мурашки. — Я научу тебя, как с ними общаться. Только ты мне тоже помогай. Рассказывай, что у вас тут происходит на Прометеях. Интересно же. Мы же теперь друзья?

Макс смотрел на неё, на её улыбку, на её глаза, и чувствовал, как внутри разливается приятное тепло. Конечно, друзья. Конечно, он поможет. Она такая... настоящая. Не то что эти куклы с её факультета.

— Друзья, — кивнул он, счастливо улыбаясь.

Женя улыбнулась в ответ...

Роман пришёл в гаражи сразу после пар. Денис хотел составить компанию, но Рома отказался — сказал, что сам разберётся. На самом же деле ему нужно было побыть одному, переварить разговор с Элис в библиотеке, который не выходил из головы, как заноза.

Она извинялась. По-настоящему. Он видел это в её глазах, слышал в голосе. Ей было стыдно. Ей было больно. И он... он повёл себя как последний дурак. Закрылся, ушёл, даже не дав шанса.

— Дурак, — прошептал он себе под нос, шагая по лужам. — Самый настоящий дурак.

Но что он мог сделать? Поверить ей? Снова? После того, что случилось? Нет. Слишком рискованно. Слишком больно.

У гаражей было шумно и привычно. Мужики копались в машинах, переругивались, гремели инструментами. Пахло бензином, маслом и жареной картошкой из сторожки.

Дядя Коля, как всегда, торчал у своего старого «Москвича». Машина была ровесницей его самого, но он её любил и холил, проводя под капотом всё свободное время.

— Ромка, привет! — обрадовался он, увидев парня. — А я тебя ждал. Думал, зайдёшь. Про то дело, про которое спрашивал, покопался в памяти.

Роман подошёл ближе, присаживаясь на ящик.

— Ну что, дядь Коль, вспомнили?

— Ага, — мужчина вытер руки ветошью и присел рядом. — Аня её звали. Аня Соболева. Художница. Тихая такая, никого не трогала, вечно с альбомом ходила. Тут у нас, в Кировке, все её знали. Рисовала всё подряд: дома, людей, собак, природу. Талантливая была, говорят.

— А кто её нашёл?

— Сторож из парка. Утром. Шёл обход, глядь — лежит девушка. Мёртвая. И рядом рисунок. Её же портрет, только... — дядя Коля поморщился. — Страшный. Глаза вытаращены, рот открыт. Будто он её в момент смерти рисовал. Или после.

Роман почувствовал, как по спине пробежал холодок. Тот рисунок в парке... такой же. Искажённое ужасом лицо, широко раскрытые глаза. Та же манера.

— А художника того так и не нашли? — спросил он.

— Не нашли, — вздохнул дядя Коля. — Менты приезжали, опрашивали, но глухо. Говорили, почерка нет, отпечатков нет, свидетелей нет. Как сквозь землю провалился. А потом... потом затихло. Думали, уехал или умер. Ан нет, видать, вернулся.

Рома молчал, переваривая информацию. Аня Соболева. Художница. Убита три года назад. И тот же почерк сейчас. Тот же рисунок рядом с телом.

— А родственники у неё остались? — спросил он.

— Мать, говорят, в психушке. Отец спился и помер. Одинокая была, как перст, — дядя Коля покачал головой. — Бедовая история. Ты, Ромка, осторожнее. Не лезь ты в это. Маньяк — он маньяк и есть. Ему жизнь человеческая — тьфу, раз плюнуть.

— Я осторожно, дядь Коль, — пообещал Роман, хотя внутри уже горело желание докопаться до истины...

Вечером, на смене в магазине, Роман не мог найти покоя. Мысли о маньяке, об Анне, о рисунках не отпускали. Он пробивал товары, отсчитывал сдачу, а перед глазами стояли те портреты — жуткие, застывшие в предсмертном ужасе.

Ближе к полуночи в магазин зашла баба Янна — местная бабушка, которая знала всё и про всех. Сухонькая, сгорбленная, в неизменном платке и ватнике, она появлялась всегда неожиданно и так же неожиданно исчезала.

— Ромочка, привет, — прошамкала она, ставя на прилавок авоську с продуктами. — Слышал новости-то?

— Какие, баб Янна? — Роман привычно начал пробивать товары.

— Опять этот маньяк объявился. Говорят, в нашем парке девушку нашли. Прямо как ту, три года назад. Те же следы, те же рисунки.

— Слышал, — кивнул Роман.

— А ты будь осторожнее, — баба Янна погрозила ему пальцем. — Мамку береги. И сам не шастай ночами. Этот художник, говорят, местный. Кто-то из наших. Потому что знает тут всё, каждую тропку, каждый закоулок.

Роман замер, не донеся банку тушёнки до сканера.

— Местный? — переспросил он.

— Ну да, — баба Янна понизила голос до шёпота. — Где он рисует-то? В парке, у гаражей, у старых домов. Значит, свой. Чужой бы сюда не сунулся. Чужой бы заплутал, спросил кого, а так — всё знает. Местный, говорю тебе. Из наших.

Роман смотрел на неё, и в голове складывалась картина. Местный. Значит, кто-то из Кировки. Кто-то, кого они видят каждый день, но не замечают. Кто-то, кто знает все ходы и выходы, все тёмные углы, все места, где можно спрятаться.

— А кто это может быть, баб Янна? — спросил он. — Есть подозрения?

— А кто ж его знает, — бабка пожала плечами. — У нас народ разный. Есть тихие, есть странные. Вон, дворник наш, Михаил, вечно молчит, ни с кем не общается. Или библиотекарша, Надежда Петровна, та вообще на людей шипит. Но чтобы убивать... не знаю, Ромочка, не знаю. Ты уж сам смотри, да по-аккуратнее.

Она забрала продукты и ушла, оставив Романа с новыми мыслями. Местный. Дворник. Библиотекарша. Тихие, незаметные люди, которых никто не замечает, пока не случится беда.

Он посмотрел в окно на тёмную улицу. Фонарь мигал, как всегда. Пусто. Но Роман знал, что пустота эта обманчива. Где-то там, в темноте, прячется тот, кто рисует мёртвых девушек. И он совсем рядом...

После смены, уже за полночь, Роман вышел из магазина и увидел Дениса. Тот стоял, опираясь на велосипед, и ждал его.

— Ты чего тут? — удивился Роман.

— Да так, — Денис пожал плечами. — Решил встретить, проводить. Времена беспокойные, сам знаешь.

— Спасибо, — Рома был тронут такой заботой.

Они пошли по пустынной улице, ведя велосипеды рядом.

— Ну чего, сыщик, — спросил он, — нашёл чего?

— Местный, говорят, — ответил Роман. — Кто-то из наших краёв. Тот маньяк.

— Опасно, — Денис присвистнул. — Ты аккуратнее, Ромео. Если он местный, он тебя тоже видит. Ты со своим расследованием везде суёшься, вопросы задаёшь. Можешь стать следующей мишенью.

— Не стану, — отмахнулся Роман. — Я осторожно.

— Осторожно, — передразнил Денис. — Знаю я твою осторожность. Ладно, давай сменим тему. У меня тут тоже новости.

— Какие?

— Помнишь ту стерву, Карину? Которая на меня орала при доставке? — Денис усмехнулся. — Я её сегодня опять видел. В кафе «Уголёк» зашёл погреться, а она там сидит. Одна, без макияжа, в спортивном костюме. Представляешь?

— И что? — Роман нахмурился.

— А то, что она на меня посмотрела... странно. Не как на быдло, а как на человека. Мы поговорили даже. Оказалось, она не такая уж стерва. Просто... тоже заложница своего мира, как и мы.

Роман остановился и посмотрел на друга.

— Денис, ты в своём уме? Она из «Муз». Она из их мира. Они все одинаковые.

— А вот и нет, — Денис покачал головой. — Элис твоя, например, тоже извинялась. И ты её послал. А она, может, не такая уж и плохая. Может, мы все слишком спешим с выводами.

Роман молчал, переваривая слова друга. Может, он прав. А может, нет. Слишком сложно всё стало. Слишком запутанно.

— Ладно, — сказал он наконец. — Пошли домой. Завтра новый день.

Они пошли дальше, каждый думая о своём. А тёмные окна домов смотрели им вслед, храня свои тайны.

Элис не знала, зачем она снова пришла сюда. Ноги сами принесли её в галерею «Арт-Хаус» при ресторане Артура. Может быть, хотела ещё раз увидеть те странные рисунки. Может быть, надеялась найти ответы на вопросы, которые мучили её последние дни.

Она попросила водителя подождать у входа и зашла внутрь. В галерее было пусто и тихо. Только администратор — пожилой мужчина в очках — скучал за стойкой, листая какой-то журнал.

— Здравствуйте, — Элис подошла к нему. — Я хочу посмотреть постоянную экспозицию. Можно?

— Пожалуйста, — администратор оживился, обрадованный посетителем. — У нас есть замечательные работы современных художников. Пройдите, я покажу.

— Спасибо, я сама, — улыбнулась Элис.

Она бродила по залам, разглядывая картины, но мысли были далеко. Пейзажи, натюрморты, абстракции — всё это казалось чужим, неживым. Она искала те рисунки углём, которые видела в прошлый раз. Те, что заставили её сердце биться чаще.

И вот она нашла их. Целая стена, увешанная портретами. Девушки. Разные, но чем-то похожие. Молодые, красивые, с правильными чертами лица. И все они смотрели с рисунков... пусто. Как будто внутри них не было души. Как будто художник видел в них только оболочку.

Девушка подошла ближе, разглядывая детали. Мастерство было потрясающим. Каждая линия, каждая тень — всё на своих местах. Но в глазах... в глазах застыло что-то жуткое. Предчувствие? Обречённость? Она не могла понять.

— Чьи это работы? — спросила она у администратора, подошедшего незаметно.

— О, это талантливый автор, — оживился тот. — К сожалению, неизвестный. Он приносил работы года три назад, продал их нам за символическую цену и исчез. Мы их выкупили тогда. С тех пор не появлялся.

— А имя? Хоть какое-то?

— Он не называл, — администратор развёл руками. — Но говорят, его отчислили из Академии художеств за год до этого. Не вписался в систему, знаете ли. Талантливые люди часто бывают неуравновешенными.

Элис смотрела на портреты, и мурашки бежали по коже. Три года назад. Отчислен из Академии. Приносил рисунки. Исчез. А потом начались убийства.

— Спасибо, — сказала она, отворачиваясь от стены.

Она вышла из галереи на ватных ногах. Мысли путались, сердце колотилось. Интуиция кричала, что она наткнулась на что-то важное, но на что именно — она не понимала.

Элис зашла в ресторан через общий вход. Артур, заметив её, отложил дела и подошёл с улыбкой.

— Элис! Ты одна? Без охраны? — он оглянулся, ища глазами водителя.

— Я с водителем, он ждёт снаружи, — отмахнулась она. — Артур, скажи, тот художник, чьи рисунки в галерее... ты его знал?

Артур удивлённо поднял брови.

— С чего такой интерес? — спросил он, присаживаясь за свободный столик и жестом приглашая её сесть рядом.

— Просто... есть в них что-то странное, — Элис села напротив. — Мрачное. Жуткое даже. Откуда они у тебя?

— Купил у перекупщика, — пожал плечами Артур. — Галерея тогда только открывалась, нужно было наполнять пространство. Мне предложили — я взял. Недорого, кстати. Автор без имени, а работы хорошие. Почему бы нет?

— А ты не пытался его найти? Узнать, кто он?

— Зачем? — Артур искренне удивился. — Талантливых художников много, Элис. Если каждого искать, жизни не хватит. Есть те, кто умеет себя продавать, есть те, кто не умеет. Этот, видимо, из вторых. Его дело, не моё.

Он говорил легко, беззаботно, и Элис вдруг остро почувствовала разницу между ними. Для неё эти рисунки были загадкой, криком о помощи, предупреждением. Для Артура — просто товаром, который можно купить и забыть.

— Ты много думаешь о таких вещах, — Артур вдруг посмотрел на неё внимательно. — Тебе не кажется, что это странно для девушки твоего круга?

— А какой мой круг? — вскинулась Элис.

— Ты знаешь. Деньги, связи, будущее. Зачем тебе эти мрачные рисунки, эти убийства, этот парень с Прометеев, с которым ты якшаешься? — в голосе Артура впервые проскользнули стальные нотки.

— Я не якшаюсь, — отрезала Элис. — И вообще, какое тебе дело?

— Мне есть дело, Элис, — Артур подался вперёд. — Ты для меня не пустое место. И я не хочу, чтобы ты впутывалась в неприятности из-за каких-то мрачных художников и нищих студентов.

— Они не нищие. Они просто... — Элис встала. — Спасибо за разговор, Артур. Мне пора.

Она вышла из ресторана, чувствуя, как внутри закипает злость. На Артура, на его снисходительный тон, на то, что он, как и все, пытается загнать её в рамки.

Но злость быстро сменилась тревогой. Рисунки. Художник. Убийства. Всё это было связано. И она чувствовала, что связь эта ведёт куда-то очень близко. Может быть, к ней самой.

Водитель привёз Элис домой уже затемно. Она вышла из машины, кивнула на прощание и направилась к воротам. Настроение было паршивым. Разговор с Артуром оставил неприятный осадок, а рисунки не выходили из головы.

Она уже взялась за ручку калитки, как вдруг заметила что-то на асфальте. Тёмное пятно на поверхности. Подошла ближе и застыла.

Рисунок углём.

На асфальте, прямо у ворот её дома, был изображён котёнок. Маленький, пушистый, такой же, как те трое, которых они с Ромой нашли в коробке. Только на рисунке котёнок выглядел... мёртвым. Глаза закрыты, лапки поджаты, тельце безжизненно лежит на боку.

Элис смотрела на рисунок, и сердце уходило в пятки. Кровь стучала в висках так громко, что заглушала все звуки.

— Он знает. — прошептала она, оглядываясь по сторонам.

Улица была пуста. Только фонарь мигал в своём бесконечном ритме, отбрасывая на рисунок дрожащие тени.

Элис дрожащими руками достала телефон и сфотографировала рисунок. Потом ещё раз огляделась. Никого. Пусто.

Она вбежала в калитку, захлопнула её за собой и прижалась спиной к забору, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось как бешеное, в голове был полный хаос.

— Это просто совпадение, — уговаривала она себя. — Просто кто-то пошутил. Просто...

Но она не верила своим словам. Рисунок был слишком точным. Слишком детальным. Слишком... личным. Тот, кто его рисовал, знал о ней то, что не мог знать никто посторонний.

Кроме Романа. Но Роман не стал бы так пугать. Роман другой.

— Кто же ты? — прошептала она в темноту.

Темнота молчала. Только ветер шелестел листвой, да где-то вдалеке лаяла собака. Но Элис знала: она не одна. Глаза, которые смотрели на неё сейчас из темноты, — не обещали ничего хорошего...

Ночь. Кировский парк встретил Романа тишиной и густой темнотой. Луна спряталась за тучами, фонари горели через один, отбрасывая на дорожки дрожащие, неверные тени. После смены в магазине он решил не идти в обход, а срезать через парк — так было быстрее, а усталость валила с ног.

Он шёл, глядя под ноги, думая о своём. О маме, о деньгах, о разговоре с дядей Колей, о бабе Янне с её намёками на местного маньяка. И об Элис. О её извинениях в библиотеке. О её глазах, в которых была такая боль, что у него самого сердце сжималось.

Вдруг он услышал шорох. Резко обернулся, вглядываясь в темноту. Никого. Только ветер шевелил ветки деревьев, да где-то вдалеке ухала сова.

Роман постоял, прислушиваясь, потом пошёл дальше. Нервы ни к чёрту. Каждый шорох кажется угрозой.

Он прошёл ещё метров сто и вдруг замер. На земле, прямо посередине дорожки, лежал свежий рисунок. Роман узнал это место — именно здесь он в прошлый раз видел портрет той девушки. Теперь здесь был новый рисунок.

Парень подошёл ближе, включил фонарик на телефоне. Свет выхватил из темноты изображение. Портрет девушки. Те же широко раскрытые от ужаса глаза, тот же беззвучный крик на губах. Роман узнал её — это была та самая, первая жертва о которой говорили в новостях. Та, которую нашли в парке несколько дней назад.

— Он здесь, — прошептал Роман, оглядываясь. — Прямо здесь. Рисует. Смотрит.

Вдруг сзади послышались шаги. Роман метнулся за ближайшее дерево, прижимаясь к стволу и стараясь дышать бесшумно. Сердце колотилось где-то в горле.

По дорожке медленно прошёл человек. Мужчина в тёмной одежде, с планшеткой в руках. Он шёл не спеша, уверенно, как хозяин этих мест. Остановился у рисунка, наклонился, рассматривая. Потом выпрямился, огляделся по сторонам и пошёл дальше, исчезая в темноте.

Роман не видел его лица. Только силуэт, только походку, только планшетку, зажатую подмышкой. Но этого было достаточно, чтобы понять: тот самый. Художник. Маньяк.

Он стоял за деревом, не в силах пошевелиться, пока шаги не затихли вдали. Потом медленно выдохнул и сполз по стволу на землю, пытаясь унять дрожь.

— Не заметил... — прошептал он.

Внутри уже зрело решение. Он должен найти его. Должен понять, кто это. Пока не стало слишком поздно.

Тем же временем Элис сидела на кровати, обняв подушку, и смотрела на фотографию рисунка в телефоне. Котёнок. Мёртвый котёнок. Тот самый символ, который мог означать только одно: он знает. Он следит. Он рядом.

Она перебирала в голове варианты. Позвонить отцу? Он запрет её дома и выставит охрану по периметру. Позвонить матери? Та не поймёт, скажет, что это шутки местных хулиганов. Позвонить в полицию? Скажут, что рисунок котёнка — не повод для паники.

Она открыла контакты в телефоне. Листала, искала, но понимала: единственный человек, который сможет понять — это Роман. Но у неё нет его номера. Они общались только лично, в библиотеке, на нейтральной территории.

— Господи, — прошептала она, отбрасывая телефон. — Что же делать?

Она легла на подушку, уставилась в потолок. За окном шумел ветер, где-то лаяла собака. Обычные ночные звуки, которые раньше успокаивали, теперь казались угрожающими.

— Я хочу ему сказать, — думала она, глядя в темноту. — Ему. Потому что он другой. Он поймёт. Он увидит в этом что-то важное, ведь он тоже замешан. Но как? Как мне его найти? Да и ненавидит он меня... Что же делать?

Ответа не было. Только тишина и шум ветра за окном.

Ночь накрыла город тёмным одеялом. В разных концах, в разных мирах, люди не спали, думая о своём.

Роман пришёл домой, тихо, чтобы не разбудить маму, прошёл в свою комнату и сел за стол. Достал тетрадь, ручку. Начал записывать:

«Три года назад — Аня Соболева, художница. Сейчас — две жертвы. Почерк одинаковый: рисунок углём рядом с телом. Художник — местный, из Кировки. Видел его сегодня в парке. Нужно искать дальше»

Он посмотрел в окно на тёмную улицу. Вспомнил фигуру, исчезающую в темноте. И вздрогнул.

Элис не спала. Она встала с кровати, подошла к окну. Смотрела на тёмную улицу, на редкие фонари, на пустую дорогу. Вдруг ей показалось, что вдали, у поворота, стоит чья-то фигура. Она вгляделась — никого. Просто тень от дерева. Просто игра света.

— Показалось, — прошептала она, но сердце колотилось.

Карина ворочалась в кровати, не в силах уснуть. Мысли о Денисе не давали покоя. О том, как он стоял под дождём, чинил велосипед, а она смотрела на него сверху и не могла пошевелиться. О том, как он разговаривал с ней в кафе — просто, без подострастия, как с равной. Злилась на себя. Потом улыбалась. Потом снова злилась.

— Дурак, — прошептала она в подушку. — Какой же ты дурак, Денис.

И улыбнулась в темноте.

Денис же развозил заказы. Ночь, пустые улицы, редкие прохожие. Он проезжал мимо Кировского парка и вдруг почувствовал холодок. Там, в темноте, за деревьями, что-то было. Или кто-то. Он прибавил скорость и уехал, стараясь не думать о плохом.

Света рисовала в альбоме при свете ночника. Абстракция — яркая, свободная, бесконечная. Она улыбалась, впервые за долгое время чувствуя себя счастливой. Здесь, в своём мире, она была свободна. Никто не давил, не требовал, не оценивал. Только она и краски.

Макс сидел за компьютером, запустив программу поиска по ключевым словам. Программа сканировала Интернет, выискивая совпадения. На экране мелькали ссылки, картинки, новости. Макс смотрел на них и чувствовал, как внутри закипает азарт.

— Найду, — прошептал он. — Обязательно найду.

Женя сидела в своей комнате и смотрела на фотографию Макса в телефоне. Она сделала её сегодня тайком, когда он отвлёкся. Смотрела на его наивное, открытое лицо и улыбалась.

— Попался, наивный, — прошептала она. — Теперь ты мой.

Элис уже собиралась лечь, как вдруг телефон на тумбочке завибрировал. Она вздрогнула, посмотрела на экран. Неизвестный номер.

Она взяла телефон, открыла сообщение.

Там была одна фотография. Рисунок углём. На нём — она сама. Элис. Спящая. В своей комнате, на своей кровати, с разметавшимися по подушке волосами. Такая, какой её мог видеть только тот, кто стоял у окна и смотрел.

А внизу, мелкими буквами, подпись: «Ты прекрасна. Скоро увидимся».

Элис застыла. Сердце ушло в пятки, руки задрожали так, что телефон выпал на кровать. Она медленно, с ужасом, подняла глаза к окну.

Шторы были открыты. За окном — только ночь. Чёрная, беспросветная, пустая.

Но там, в темноте, ей показалось... или действительно стояла фигура?

Экран телефона погас. Комната погрузилась во мрак. Элис сидела, не в силах пошевелиться, и смотрела в окно, за которым, возможно, кто-то смотрел на неё в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.